

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НОЯБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛІТІЕ).

СОДЕРЖАННІЕ:

Отдѣлъ I. Педагогика и дидактика.

- 1) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи (статья первая), **И. УШИНСКАГО**.
- 2) О приемѣ учениковъ въ приходскія училища, **М. ВЕССКАГО**.
- 3) О проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ, **М. И. НОСКОВА**.
- 4) О германскихъ университетахъ.

Отдѣлъ II. Науки вспомогательныя.

- 2) Гегель и его время, сочиненіе Гайма, лекцій XVII и XVIII. Переводъ **П. СОЛЯНИКОВА**.

Отдѣлъ III. Критика и библиографія.

- 1) Руководство къ Педагогикѣ Шерра, **В. В. ИГНАТОВИЧА**.
- 2) Англійская литература XVIII столѣтія. Окончаніе. **ОРЕСТА МИЛЛЕРА**.
- 3) Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за первую половину 1860 г. Географія, этнографія и путешествія.
- 4) Систематический Указатель книгъ и журналовъ изданныхъ въ Россіи въ первомъ полугодіи 1860 г. (въ особомъ приложении). **И. ВЕРЕЩАГИНА**.

Отдѣлъ IV. Извѣстія и смѣсь (см. на оборотѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

I.

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА.

О НРАВСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТЕ

ВЪ РУССКОМЪ ВОСПИТАНИИ.

(Статья первая).

Очень многія, если не всѣ сколько-нибудь значительныя и постоянныя явленія нашей общественной жизни были въ послѣдніе годы призывамы на судъ нашей литературы и немногія изъ нихъ ускользнули отъ самыхъ сильныхъ обвинительныхъ приговоровъ. Но во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, болѣе или менѣе ясно слышенъ, между прочимъ, одинъ общій приговоръ. Какое-бы учрежденіе и какой-бы уставъ ни разбирался нами, мы всегда почти приходимъ къ тому заключенію, что хотя въ данномъ учрежденіи или уставѣ и есть тѣ или другіе недостатки, но главный недостатокъ вездѣ и во всемъ одинъ и тотъ же — *недостатокъ людей*. Послѣ разбора историческихъ измѣненій всѣхъ учрежденій и уставовъ, которымъ они подвергались у насъ чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, — такъ что въ послѣднее время принято было почти за правило всякое новое установление оставлять *въ видѣ опыта*, на определенный срокъ, — мы должны были, кажется, придти къ ясному и твердому убѣжденію, что неѣтъ и не можетъ быть такого безукоризнен-

наго учрежденія, устава или закона, котораго дурные исполнители не могли бы испортить такъ, что даже его хорошія стороны обратятся во вредъ обществу; и что нѣтъ такого дурного закона, учрежденія или устава, которыхъ благонамѣренные исполнители не могли бы сдѣлать если не хорошими, то по крайней-мѣрѣ сносными. Наши администраціи, наши полиціи, наши суды, наши сельскія управленія, наши университеты, гимназіи, училища всякаго рода, несмотря на недостатки своихъ уставовъ и положеній, недостатки свойственные всему, что выходитъ изъ рукъ человѣка, могли бы принести гораздо больше пользы, чѣмъ приносили до-сихъ-поръ и приносятъ теперь, еслибы наши администраторы, крупные и мелкіе, наши судьи, наши полицейскіе чиновники, наши учители и, наконецъ, члены нашихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, словомъ, всѣ мы, съ одной стороны, лучше понимали свои обязанности, а съ другой — что гораздо важнѣе, потому что въ непонятливости нельзя слишкомъ укорять русскихъ — имѣли больше желанія выполнять свои обязанности и, такъ сказать, больше нравственной невозможности не выполнять ихъ.

Опытомъ пришли мы къ полному убѣжденію въ недостаточности для успѣховъ общественной жизни всякаго рода контролей, нагроможденныхъ на контроли; однакоже, при всякомъ новомъ проектѣ, касающемся той или другой стороны общественной жизни, мы, не довѣряя уже контролю, въ то-же время не довѣляемъ и людямъ и почти во всемъ оканчиваемъ однимъ и тѣмъ-же припѣвомъ: все это хорошо; да гдѣ-же взять людей для этого: людей, людей-то нѣть; людей недостаетъ нигдѣ и ни для чего!

Однакожь, какъ-же это такъ — нѣть людей? Да вы послушайте только, съ какимъ неудержимымъ рвениемъ многія тысячи людей, и печатно и не печатно, горячо возстаютъ противъ злоупотребленій всякаго рода. Гдѣ теперь, въ какомъ журналь, въ какой великолѣпной гостиной, въ какомъ департаментѣ или судѣ, въ какой скромной чиновничьей квартирѣ, въ

какомъ деревенскомъ захолустьѣ, не разбираются по ниточкамъ всякаго рода общественныя злоупотребленія? Если всю эту массу ревностныхъ обличителей, такъ горячо и такъ безъ устали ратующихъ за правду противъ зла, собрать вмѣстѣ, то вотъ вамъ цѣлая армія превосходнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, не только отлично понимающихъ дѣло, не только не причастныхъ никакому общественному грѣху, но готовыхъ на самую упорную борьбу съ общественнымъ зломъ. Право, читая наши обличительныя статьи, прислушиваясь къ нашимъ обличительнымъ бесѣдамъ, кажется иногда, что всѣми нами овладѣла какая-то болѣзнь бранчивости, или что какой-нибудь чародѣй напустилъ намъ туману въ глаза, и мы, думая, подобно ламанчскому герою, борясь съ великанами зла, поднимаемъ копье противъ вѣтряныхъ мельницъ, и, думая находиться въ толпѣ всякаго рода злодѣевъ и плутовъ, сидимъ на самомъ дѣлѣ въ кругу нашихъ пріятелей, готовыхъ умереть за дѣло правды въ добра, и что въ сущности намъ и бороться-то не съ кѣмъ и не съ чѣмъ. Мы теперь всѣ, рѣшительно всѣ, не исключая и гоголевскаго городничаго, если онъ еще здравствуетъ, такъ усердно бранимся на пользу родины, что право трудно рѣшить, кого мы бранимъ: ужъ не сѣраго-ли мужичка; потому что онъ одинъ, рѣшительно онъ одинъ, не пристаетъ къ общему обличительному концерту.

Но, увы, нѣтъ! Передъ нами не вѣтряныя мельницы, мы не въ кругу честныхъ трактирщиковъ и погонщиковъ моловъ, мы не Донъ Кихоты и не въ такомъ положеніи, чтобы принять мирное стадо за непріятельскую армію: зла дѣйствительно вездѣ очень много, не смотря на то, что людей, вооружающихся языкомъ противъ всякаго зла, тоже очень много. Изъ этого замѣчательнаго, хотя вовсе не отраднаго явленія, за невозможностью сдѣлать изъ него что нибудь лучше, можно извлечь двѣ психологическія истины: первая, что браниться на пользу ближняго и дѣлать что нибудь для его пользы — двѣ вещи совершенно различныя и, второе, что недостаточно знать

и понимать зло, чтобы оно исчезло, если даже средства къ его уничтоженію въ нашихъ рукахъ, что между знаніемъ добра и желаніемъ его — глубокая пропасть, глубже даже Сократовскаго ума.

Но куда-же это однако дѣвались люди и какихъ намъ еще людей надобно? Чего наконецъ мы требуемъ отъ нашихъ двуногихъ братьевъ, чтобы признать ихъ за людей? Не заходитъ-ли у насъ умъ за разумъ, какъ у того греческаго мудреца, что днемъ, да еще со свѣткою, не могъ найти человѣка посреди многолюдной площади? Нѣтъ, мы не такъ прихотливы и требованія наши не велики. Сколько можно понять, то въ нашихъ обличеніяхъ, проходящихъ черезъ типографскій станокъ или улетающихъ къ потолку вмѣстѣ съ дымомъ сигаръ и папиросъ, люди болѣе или менѣе укоряются въ недостаткѣ того цемента, который связываетъ отдѣльныя личности въ одно дружное общество, въ недостаткѣ полезныхъ для общества общественныхъ убѣжденій, въ недостаткѣ такъ называемой общественной нравственности. Правда, бранимъ мы своего ближняго иногда и за глупость; но, во-первыхъ, это случается гораздо рѣже; а во-вторыхъ, бранить человѣка за глупость, также рационально, какъ бранить его за то, что его физіономія намъ не нравится.

Но въ чемъ-же состоитъ эта общественная нравственность отдѣльного лица? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мнѣнія раздѣляются: одни полагаютъ, что общественная нравственность состоитъ въ утонченѣйшемъ эгоизмѣ и зависитъ единственно отъ степени умственного развитія человѣка, такъ что стоитъ только человѣку поучиться, поумнѣть и онъ убѣдится, что его личное благосостояніе зависитъ отъ общественного благосостоянія. Но для того, чтобы прийти къ такому убѣждѣнію, надобно ужъ очень поумнѣть, поумнѣть, напримѣръ, до идеи, что отъ дровъ, которыми наши внуки или внуки нашего ближняго будутъ отапливать свои дома, намъ будетъ тепло, или что отъ финансового благосостоянія будущихъ поколѣній, наши денеж-

ныя обстоятельства будут въ блестящемъ положеніи, или что отъ образованія нашихъ правнуковъ мы лично получимъ огромную выгоду. Но если и возможенъ такой умъ, то развѣ для немногихъ избранныхъ; что-же касается до насъ, то мы замѣчаемъ и въ себѣ и въ другихъ возможность множества такихъ положеній отдельного человѣка въ отношеніи къ обществу, когда личный интересъ прямо противуположенъ общественному; когда умъ, и очень развитой умъ, понимая очень хорошо зло, происходящее для общества отъ осуществленія тѣхъ или другихъ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе решается на ихъ осуществленіе именно потому, что они личные. Гоголевскій городничій, а тѣмъ болѣе Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, равно какъ и судья Тяпкинъ-Ляпкинъ, разсуждающій о созданіи міра, не потому кривятъ душою, чтобы не понимали, что не должно кривить ею; не потому извращаютъ законы и обращаютъ въ свою личную пользу свое офиціальное положеніе, чтобы не понимали общественной пользы законовъ и ихъ правильного исполненія. Конечно, случается у насъ и такой грѣхъ, но очень рѣдко; чаще-же всего мы очень хорошо понимаемъ, что законъ полезенъ, что исполненіе его необходимо для пользы общества; но понимаемъ также очень хорошо, что неисполненіе законовъ очень полезно для насъ самихъ. Чтобы убѣдится въ томъ, стоитъ только прислушаться, что говорить городничій и его почтенные сослуживцы минимому ревизору, — стоитъ только заглянуть въ наши офиціальные бумаги, напи- годовые отчеты, торжественные рѣчи: какая величественная добродѣтель, какое строгое пониманіе святости долга!

Нѣтъ! право, въ глупости нась, русскихъ, особенно укорить нельзя. Намъ на долю достался порядочный кусокъ отъ райскаго яблока и мы очень хорошо понимаемъ, что такое добро, что зло; но знаемъ также слишкомъ хорошо, гдѣ зимуютъ раки. Конечно, образованіе ума и обогащеніе его познаніями много принесетъ пользы, но, увы, я никакъ не полагаю, чтобы ботаническія или зоологическія познанія, или даже ближайшее

знакомство съ глубокомысленными творениями Фохта и Молешота, могли сдѣлать гоголевского городничаго честнымъ чиновникомъ и совершенно убѣждены, что будь Павелъ Ивановичъ Чичиковъ посвященъ во всѣ тайны органической химіи, или политической экономіи, онъ останется тѣмъ-же, весьма вреднымъ для общества, пронырой. Перемѣнится нѣсколько его внѣшность, перестанетъ онъ подкатываться къ людямъ съ ловкостю почти военного человѣка, приметъ другія манеры, другой тонъ, замаскируется еще больше, такъ что проведѣтъ кого нибудь и поумнѣе генерала Бедрищева; но останется все тѣмъ-же вреднымъ членомъ общества, даже сдѣлается еще вреднѣе, еще неуловимѣе. Просмотрите біографію Гегеля, напечатанную въ этомъ-же журналѣ и если справедлива десятая доля того, что разсказывается Геймъ, а мы думаемъ, что и половины опровергнуть невозможно, то нѣтъ-ли въвеличайшемъ, необъятнѣйшемъ, глубочайшемъ философѣ всѣхъ временъ очень и очень порядочной доли чичиковщины? а ужъ онъ-ли не былъ уменъ, развитъ, глубокомысленъ и ученъ? Въ своихъ странствіяхъ отъ одной власти къ другой не напоминаетъ-ли онъ нѣсколько безсмертныхъ путешествій Павла Ивановича? Знаемъ, что эти слова не пройдутъ намъ даромъ и что насть обвинять можетъ быть тѣ самыя лица, которыя съ такою охотою развѣчиваютъ наши русскія знаменитыя личности Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя; но зачитники всемирно-германской знаменитости поставлены будутъ въ довольно затруднительныя положенія: или объяснить философски различныя перипетіи, которымъ подвергалась гегелевская философія съ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ и личныхъ отношеній философа, или укорить Гегеля въ томъ, что онъ самъ не понималъ, что писалъ. Но мы такъ благоговѣли передъ истинно-необъятнымъ геніемъ берлинскаго философа, что решительно не допускали возможности послѣдняго толкованія, и если напоминаемъ его біографію, то вовсе не съ цѣлью обвинить его — мы уже не имѣемъ никакого права бросить въ него камнемъ —

но именно для того, чтобы въ рѣзкомъ примѣрѣ показать, что величайшее развитіе умственное не предполагаетъ еще необходимо-прочной общественной нравственности. Гегель-ли не понималъ важности, истины и красоты непоколебимаго нравственнаго достойнства?

Этотъ величественный примѣръ, напоминающій намъ евангельскій совѣтъ поступать по словамъ и слѣдамъ проповѣдниковъ, а не по дѣламъ ихъ, избавляетъ насъ отъ необходимости имѣть другіе примѣры, хотя-бы мы могли указать ихъ много, начиная съ безсмертнаго Бэкона, берущаго взятки, и великаго Мальборуга, обкрадывавшаго своихъ солдатъ, и до умницы Сквозника-Дмухановскаго. И хотя мы не думаемъ, вслѣдъ за Грибоѣдовымъ, что *умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ*; но убѣждены, что очень умный человѣкъ можетъ быть и очень большимъ плутомъ. Нѣтъ, одного ума и однихъ познаній еще недостаточно для укорененія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который иногда согласно съ разсудкомъ, а часто и въ противорѣчіи съ нимъ, связываетъ людей въ честное, дружное общество.

Чувство общественности или, другими словами, нравственное чувство, живетъ въ каждомъ изъ настъ, точно также, какъ и чувство личности, эгоизма.

Оба эти чувства, въ видѣ микроскопическихъ зародышей, рождаются вмѣстѣ съ человѣкомъ. Но тогда, какъ первое, т.-е. нравственное чувство, благороднѣйшее и изящнѣйшее растеніе души человѣческой, требуетъ большого ухода и присмотра, чтобы вырости и окрѣпнуть, другое, какъ всякий бурьянъ, не требуетъ для своего преуспѣянія ни ухода, ни присмотра и, необузданное во время, скоро подавляетъ всѣ лучшія изящнѣйшія растенія. Самъ божественный Сердцевѣдѣцъ нашелъ ненужнымъ заботиться о возрастѣ того чувства: никто и безъ того изъ собственнаго побужденія не подавляетъ своей живу-

чей охоты, этого источника всякаго эгоизма; «но питаетъ и греетъ ю».

Убѣжденые въ томъ, что нравственность не есть необходимое послѣдствіе учености и умственнаго развитія, мы еще убѣждены и въ томъ, что воспитаніе, семейное и общественное, вмѣстѣ съ вліяніемъ литературы, общественной жизни и другихъ общественныхъ силъ, можетъ имѣть сильное и решительное вліяніе на образованіе нравственного достоинства въ человѣкѣ. Кромѣ-того, мы смыло высказываемъ убѣженіе, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ.

Высказывая такія убѣженія, мы увѣрены, что большинство нашихъ читателей, за исключеніемъ немногихъ философовъ эгоизма, согласны съ нами; а потому, не останавливаясь на излишнихъ доказательствахъ, приступаемъ прямо къ разсмотрѣнію того, на сколько наше современное семейное и общественное воспитаніе имѣло и имѣетъ вліянія на развитіе нравственного чувства въ насъ и въ нашихъ дѣтяхъ, или другими словами къ изслѣдованію нравственного элемента въ русскомъ воспитаніи.

Понятно само собою, что мы не имѣемъ претензій въ короткой журнальной статьѣ сдѣлать обзоръ всего русскаго образованія, со всѣми его многочисленными вѣтвями, а думаемъ только указать на нѣкоторыя, наиболѣе намъ известныя и болѣе общія явленія. При этомъ мы просимъ нашихъ читателей не думать, что выставляя иные явленія въ довольно мрачномъ свѣтѣ, мы не знали множества исключеній: напротивъ, именно эти-то свѣтлыя исключенія и побуждаютъ насъ взяться за перо, потому-что эти-то и вселяютъ въ насъ надежду лучшаго. Еслибы все было дурно, то мы молчали-бы: безжалостно и стыдно говорить неизлечимо-больному объ опасностяхъ его положенія;

но должно говорить тому, кто имѣть силы, хочетъ, можетъ заявить непремѣнное желаніе отѣлаться отъ своей болѣзни.

Скажемъ прежде всего о воспитаніи нашего простого народа; но, можетъ быть, многіе замѣтятъ, что говорить объ этомъ предметѣ, значитъ говорить о томъ, что не существуетъ. Но если въ нашихъ деревняхъ нѣтъ почти преднаਮѣренного воспитанія, то тѣмъ болѣе, сильно воспитаніе непреднаਮѣренное. Люди рождаются, растутъ, слѣдовательно и воспитываются если не въ школахъ, нарочно для того устроенныхъ, то, тѣмъ не менѣе, воспитываются въ той жизненной средѣ, гдѣ они живутъ и изъ которой льются въ душу ихъ разнообразнѣйшія вліянія.

Если русскій крестьянинъ отличается теперь отъ дикаря, то этимъ онъ почти единственно обязанъ своей всетаки европейской, славянской природѣ, а еще болѣе своему древнему христіанству.

Загляните въ самую глухую русскую деревню, отѣленную отъ остального міра почти непроходимыми лѣсами и болотами (такихъ деревень не мало, напримѣръ, въ Новгородской губерніи), вы не найдете тамъ почти никакихъ слѣдовъ европейской цивилизациі; но тѣмъ не менѣе замѣтите въ характерѣ жителей много природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства, которые, можетъ быть, тѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе. Это сильно образующее вліяніе христіанства идетъ, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда наши первые, святые сподвижники христіанской истины, смѣло углубляясь съ своею могучею проповѣдью въ глушь болотъ и лѣсовъ, полагали въ души языческихъ племенъ святыя сѣмена. Подъ вліяніемъ этой личной, сильно говорящей сердцу проповѣди, выражавшейся не только въ словахъ, но и въ истинно-подвижнической жизни, христіанскіе элементы совершенно срослись въ душѣ русскаго съ его славянскимъ характеромъ и навсегда извлекли его изъ дикой жизни, и такимъ образомъ внесли новый элементъ, славянскій, въ сферу европейской исторіи. Но

впослѣдствіи времени это образовательное вліяніе религії значительно ослабѣло и, такъ сказать, остановилось на одной точкѣ; такъ что въ настоящее время христіанскія правила жизни сдѣлались болѣе традиціональными и болѣе передаются, какъ святое преданіе, отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ, чѣмъ подновляются и возрождаются вновь изъ ихъ непосредственного источника. По патріархальному-ли свойству нашей славянской природы—свойству общему, впрочемъ, всѣмъ народамъ,—какой-же народъ миновалъ патріархальный бытъ?—или по какой нибудь другой причинѣ, христіанскія истины пріобрѣли у насъ особый патріархальный характеръ и, соединившись съ лучшими особенностями славянской природы, образовали тотъ патріархально-христіанскій характеръ, который и теперь еще можно встрѣтить нерѣдко во всемъ его мастиотъ и добродушномъ величіи, какъ живой урокъ нашей, такъ часто встрѣчающейся свѣтской мелочности, съ ея внѣшней только, поверхностной полировкой.

Эта *патріархальная* нравственность, свойственная всѣмъ народамъ, мало тронутымъ исторію и между тѣмъ призваннымъ къ будущей исторической дѣятельности,—нравственность тацитовскихъ германцевъ или нынѣшнихъ жителей горнаго Афганистана, просвѣтленная древнимъ вліяніемъ христіанства, къ счастію, еще довольно сильна въ русскомъ народѣ.

Но какъ всякое преданіе, сильно прочувствованное, но мало сознанное, и переходящее въ привычку, не переходя черезъ сознаніе, эта патріархальная нравственность подверглась вліянію вѣковъ, одѣвающихъ плесенью и твердую скалу, и не очищаемая огнемъ сознанія, несетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе не только истинно-нравственные правила, но и предразсудки, суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты, и двусмысленаго достоинства пословицы—эти совѣты практической мудрости давно отжившихъ поколѣній. Такъ наша русская рѣка, выходя изъ непроглядной глубины лѣсовъ и болотъ, выносить оттуда иль, остатки гниющихъ растеній и песокъ, которые

потомъ, гдѣ нибудь ниже, скажутся мелями. Но это была-бы еще не большая бѣда и мы, помня басню Крылова *Червонецъ*, не посовѣтовали бы слишкомъ торопливо и ревностно стирать эти предразсудки, чтобы не задѣть того драгоценнаго зерна, котораго мы дать не можемъ, и для котораго предразсудокъ служить иногда обороняющей скорлупою. Гранить алмазъ надоно очень осторожно и умѣючи: онъ и въ корѣ сохранитъ всегда свою цѣну и дождется искуснаго художника, а въ рукахъ самонадѣяннаго невѣжды можетъ безвозвратно потерять большую половину цѣны. Не бѣда была-бы, еслибъ потокъ преданій, вмѣстѣ съ обильною живительною влагою,—выносилъ иногда и груду песку: при обилии своихъ водъ онъ самъ-же размылъ-бы мель или обошелъ ее, прорывъ другое русло, но то бѣда,—что самый потокъ изсякаетъ.

Фактъ неоспоримый, что патріархальная нравственность сохраняется гораздо болѣе въ глухи нашихъ деревень, удаленныхъ отъ центровъ промышленной дѣятельности и цивилизациі. Чѣмъ болѣе заброшена деревня въ глушь, чѣмъ менѣе она пользуется всѣми выгодами образованія, тѣмъ патріархальнѣе ея жители и тѣмъ они нравственнѣе. Чѣмъ ближе къ желѣзнымъ дорогамъ и шоссе, къ большими сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ, къ столицамъ и фабричнымъ мѣстностямъ, тѣмъ меньше патріархальности и вмѣстѣ съ тѣмъ меньше нравственности. Словомъ, наша патріархальная нравственность не выдерживаетъ столкновенія съ цивилизацией, поддается ею, какъ вѣковые лѣса поедаются пламенемъ пожара.

Но эти слова требуютъ небольшого объясненія съ нашей стороны. Намъ такъ часто придется говорить о вредномъ вліяніи цивилизациі на общественную нравственность, что мы должны серьезно опасаться, чтобы насъ не причислили къ противникамъ цивилизациі. Вотъ почему мы просимъ у читателей позволенія высказать разъ навсегда наши искреннія убѣженія въ этомъ отношеніи.

Мы думаемъ, что всѣ народности земнаго шара можно

удобно раздѣлить на четыре группы: 1) на народности, слишкомъ слабыя для самостоятельного исторического развитія и осужденныя на поглощеніе другими народностями; 2) на народности, еще ожидающія своей очереди, чтобы войти въ область исторіи; 3) на народности, уже вышедшія изъ нея и догнивающія свой вѣкъ, и 4) народности современно-историческія. О народностяхъ первой группы говорить много нечего; на нихъ слѣдуетъ только указать: таковы наши инородцы, краснокожіе Америки, эскимосы, негритосы и др. Народности второй группы, которыя, хотя довольно сильны, чтобы внести въ исторію новую дѣятельную личность, но которыя, по той или другой географической и исторической причинѣ не вошли еще въ область исторіи, могутъ долго и невредимо оставаться въ видѣ зеренъ будущихъ историческихъ народныхъ личностей, сохранивъ себѣ возможность исторической жизни; такъ зерно пшеницы, пролежавъ три тысячи лѣтъ въ гробницѣ египетской муміи, сохраняетъ въ себѣ возможность растительной жизни и перенесенное въ благопріятную почву, развивается и даетъ обильный плодъ. Открыть такія народности и указать ихъ конечно можетъ только исторія, вызвавшая къ жизни полудикихъ обитателей германскихъ лѣсовъ и нашихъ славянскихъ предковъ. Народности, уже отжившія, сошедшія съ исторической сцены, если и продолжаютъ существовать, то не живутъ, а доживаются или, лучше сказать, разлагаются, какъ разлагается трупъ всякаго природнаго организма. Въ этомъ видѣ такія народности представляютъ грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительное, но поучительное явленіе, какъ для химика гніеніе. Это разложеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока элементы, составлявшіе эти уже отжившіе организмы, не всосутся новыми, свѣжими народными организмами. Такое грустное явленіе представляла намъ Греція послѣ Александра Македонскаго, когда общество продолжало еще жить, хотя цементъ, скрѣплявшій его—общественная нравственность—уже совершенно разложился. Такое-же грустное явленіе представляль

намъ умирающій или, лучше сказать, уже разлагающійся Римъ, пока юная германскія народности не всосали его элементовъ и пока на прежней, удобренной гненіемъ, почвѣ не выросли изъ новыхъ зеренъ новыя государства. Такое-же явленіе представляеть намъ въ настоящее время Китай, этотъ громадный гниющій трупъ, элементовъ котораго не всосать даже и нынѣшней европейской цивилизациі, при всемъ ея могуществѣ.

Но если зерно разъ посажено въ землю и начало проростать, тогда нѣтъ уже никакой возможности пріостановить его развитіе, или лучше сказать пріостановить въ немъ процессъ жизни. Разъ проросшее зерно или будетъ развиваться или станетъ гнить. Народъ, вошедшій въ историческую область и согрѣтый лучемъ исторического солнца, обходящаго земной шаръ въ своемъ торжественномъ ходѣ,—такой народъ или будетъ развиваться или будетъ разлагаться: *середины нѣтъ*. Пріостановка въ развитіи, конечно, можетъ быть только временная, какою была у насъ татарская эпоха, но и та временная пріостановка никогда не останется безъ вредныхъ послѣствій. Сравните великолѣпные зародыши русской цивилизациі до татарщины, съ тѣмъ, чѣмъ является та цивилизациѣ послѣ татарского ига и вамъ невольно придется на умъ роскошное поле, ранніе многообѣщающіе всходы котораго были побиты морозомъ.

Таковъ нашъ взглядъ на необходимость цивилизациі для всякаго исторического народа и если прогрессъ цивилизациі имѣть свои опасности, какъ всякий жизненный процессъ, какія имѣть и неизбѣжный ростъ дитяти и развитіе юноши, то, съ другой стороны, въ этихъ опасностяхъ есть жизнь, есть возможность успѣха, оборота къ лучшему; тогда какъ въ разложеніи трупа, въ современной жизни Китая опасности и волненій еще больше, и нѣтъ никакой будущности: опасности и волненія, безъ толку, безъ цѣли, безъ надежды отраднаго исхода. Это беспрестанное, мучительное погруженіе народа въ темную бездну смерти; агонія, которая можетъ тянуться цѣлые вѣка. Визан-

тія, на которую Петръ Великій указывалъ съ такимъ справедливымъ ужасомъ тупымъ противникамъ европейской цивилизаціи, гнила болѣе тысячи лѣтъ, пока дождалась турокъ; Китай гніетъ вотъ уже нѣсколькоъ тысячелѣтій, и, не смотря на свой отличный *внѣшній* порядокъ, не смотря на свои сотни миллионовъ населенія, на свои природныя богатства, на свое раннее образованіе, на умственные способности своихъ жителей, не можетъ отдѣлаться отъ горсти англичанъ: такъ умирающей гигантъ не можетъ приподнять руки, чтобы согнать муху, причиняющую ему несносную боль. Вотъ, по нашимъ убѣжденіямъ къ чему ведеть остановка развитія!

Сознавая вполнѣ всю жизненную необходимость, какъ движенія народа впередъ по пути образованія, такъ и проникновенія этого образованія въ самые нисшіе слои народонаселенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не отвернемся отъ того печальнаго явленія, что цивилизациѣ дѣйствуетъ разрушительно на патріархальную нравственность каждого народа, если сама цивилизациѣ не вносить съ собою новой уже не патріархальной, а гражданственной и обще-человѣчественной нравственности.

Причина такого явленія очень проста: патріархальной нравственности, коренившейся въ семейномъ бытѣ, достаточно было, чтобы опредѣлять тѣ несложныя и немногочисленныя отношенія, въ которыхъ вращался патріархальный-же человѣкъ; патріархальной нравственности ставало только для патріархального-же быта. Но когда цивилизациѣ, хотя-бы въ формѣ торговли и промышленности, вырываетъ человѣка изъ тѣсной сферы семейныхъ и родовыхъ отношеній, тогда и патріархальная нравственность оказывается недостаточною. Человѣкъ вначалѣ, какъ бы раздвоется, и въ сердцѣ у него нѣкоторое время уживаются очень мирно патріархальная нравственность въ отношеніи своего семейства и совершенная безнравственность за границею семейства. Онъ, какъ будто, признаетъ надъ собою и внутри себя только одни семейные законы и имъ только искренно повинуется; всѣ-же другіе законы

кажутся ему враждебными принуждениями, которымъ должно повиноваться, если нельзя этого избѣжать, но которые позволительно и даже похвально обходить. Словомъ, за границами семейства онъ чувствуетъ себя въ непріятельской землѣ, гдѣ позволено дѣлать все, только-бы не попадаться, гдѣ надъ нимъ существуетъ только право силы, а за нимъ право всякаго рода хитрости и обмана.

Но такое развоеніе не можетъ существовать вѣчно и въ теченіи времени мало-по-малу безправственность изъ за границы семейнаго быта переносится и въ нѣдра семьи.

Характеристическѣ чертъ развоенности нравственной сферы мы находимъ еще много не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и въ верхнихъ слояхъ общества. Но съ особенною рѣзкостью высказывается эта черта въ характерѣ тѣхъ промышленныхъ крестьянъ, которые, пускаясь на промыслы всякаго рода и особенно въ столицы и фабричные города, проводятъ многіе годы вдали отъ своихъ семействъ и потомъ опять на время или на всегда возвращаются домой. Большая часть изъ нихъ и теперь еще во время своего пребыванія на промыслахъ, на фабрикахъ, въ столицахъ, рѣшительно не чувствуютъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ обязательствъ и живутъ точно во враждебной землѣ, и если удерживаются отъ дурныхъ поступковъ, то только подъ вліяніемъ опасеній внести бѣдность или развратъ въ свою отдаленную семью. Но возвращаясь домой, они по большей части съ замѣчательною силою характера сбрасываютъ съ себя приобрѣтенные привычки и становятся добрыми семьянами; а иногда, однако, вносятъ съ собою и самыя разрушительныя начала. Нерѣдко такой крестьянинъ искренно, въ глубинѣ души признаетъ надъ собою только семейные законы, всѣ же другіе для него не болѣе, какъ враждебныя ухищренія, и всякий чужой по большей части для него является человѣкомъ совершенно безправнымъ. Всѣ глубокія сердечныя нити привязываютъ его только къ семье: онъ ихъ только со-знаетъ и признаетъ, и кладетъ семейный, патріархальный отп-

чатокъ даже на свои религіозныя понятія и свои понятія о правительстве. Онъ горячо и отъ всей души молится Богу, но въ молитвѣ своей просить удачи *своему* промыслу, счастье *себѣ* и *своей семьи*: онъ не зажигаетъ лампадки за всю Русскую землю, какую зажегъ нашъ знаменитый паломникъ у гроба Христова; но нерѣдко ставить надломленную свѣчу Ивану Воину, съ искреннемъ желаніемъ, чтобы также переломило того или другаго ближняго. Онъ строго держитъ посты, но обманетъ васъ на товарѣ и въ страстную пятницу, держась въ своихъ промысловыхъ отношеніяхъ къ всякому *чужому* старинной поговорки: *не обманешь, не продашь*, предполагая, что и другіе имѣютъ право дѣлать тоже, что онъ. Для него возможно, помолившись очень усердно, немедленно же стать за прилавокъ и съ клятвами и божьбою обмѣривать и обвязывать покупателя, въ которомъ онъ видитъ существо, не имѣющее никакого права на его честность. Христіанское понятіе—ближній, часто принимаетъ въ русскомъ промышленномъ человѣкѣ значеніе родственника, семьянина. Вотъ отчего иной, надувшій васъ лавочникъ и совершенно вами уличенный, смотритъ вамъ прямо въ глаза съ непостижимымъ безстыдствомъ и даже съ удовольствиемъ подмигиваетъ своему товарищу, когда вы разсерженные уходите изъ лавки. Дѣло здѣсь не въ томъ, что та или другая личность плутуетъ и поступаетъ безсовѣстно,—отъ плутовъ и безсовѣстныхъ людей не избавить совершенно никакое образованіе; но въ томъ, что въ одной и той же личности соединяется благочестіе и плутовство, безсовѣстность и совѣстливость, беспощадный эгоизмъ и иногда геройское самопожертвованіе въ пользу своей семьи. Это было-бы явленіемъ до крайности мрачнымъ, если бы оно не объяснялось исключительностью патріархальной нравственности: вы были для лавочника то-же самое, что въ военное время французскій солдатъ для русского солдата—существомъ совершенно безправнымъ, и если не могли защищаться, то должны были быть обмануты.

Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, мы позволимъ себѣ

привести здѣсь маленькое происшествіе, которое намъ случилось видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ при поѣздкѣ на пароходѣ по Волгѣ. На пароходѣ, на которомъ намъ случилосьѣхать отъ Твери до Ярославля, находилось человѣкъ двадцать ярославцевъ и костромичей, по большей части сидѣльцевъ петербургскихъ лавокъ, и различныхъ мастеровыхъ, отправлявшихся домой на *побывку*, т. е. на два, на три лѣтніе мѣсяца. Это по большей части были люди очень молодые и между ними даже было нѣсколько мальчиковъ отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ. Всѣ они, особенно дѣти, были очень довольны своей поѣздкой и въ томъ углу палубы, гдѣ они сидѣли, смѣхъ, шутки и веселые разговоры не прекращались ни на минуту, продолжаясь по вечерамъ далеко за полночь.

Прислушавшись къ этимъ шумнымъ бесѣдамъ, мы были прежде всего поражены замѣчательною развитостію этихъ людей: даже четырнадцатилѣтнія дѣти говорили такъ умно, шутили такъ остро, и мѣнялись другъ съ другомъ такими мѣткими насмѣшками, что нельзя было не подивиться богатству ихъ природныхъ способностей, ихъ умственному развитію, ихъ наблюдательности и даже ихъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ, конечно, болѣе изъ практической жизни, нежели изъ книгъ, хотя почти всѣ эти люди были грамотны и тутъ-же на палубѣ, отъ времени до времени, занимались чтеніемъ засаленныхъ книжонокъ, довольно, впрочемъ, гадкаго содержанія. Въ особенности обращалъ на себя вниманіе своимъ бойкимъ, развитымъ умомъ и необыкновеннымъ даромъ колкаго, мѣткаго слова, одинъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ очень красивою, но довольно уже истасканною физіономіею. Это былъ сидѣлецъ изъ петербургской свѣтной лавки, который получалъ уже десять рублей серебромъ жалованья въ мѣсяцъ на хозяйственныхъ харчахъ и очень, казалось, гордился своимъ положеніемъ. Но скоро мы убѣдились, что вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣды этого веселаго, словоохотливаго кружка были проникнуты замѣчательною безнравственостію. Роль Донъ Жуана и вмѣстѣ

Фальстафа въ этомъ веселомъ обществѣ игралъ какой-то молодой портной, человѣкъ лѣтъ двадцати семи, на лицѣ котораго ясно выражались слѣды пьянства и разврата. Онъ безсознательно хвалился самыми отвратительными поступками. Другіе собесѣдники, и даже пятнадцатилѣтніе мальчики, не отставали отъ разудалаго портнаго, котораго даже не пугала и мысль, что въ деревнѣ ждетъ его жена и отецъ, которымъ онъ не везъ ни гроша. Конечно, во всей этой похвалѣ было много лжи; но замѣчательно то, что идеаломъ всѣхъ этихъ людей былъ ловкій, развратный кутила, умѣющій при этомъ добыть копѣйку всякими средствами, окупить паспортъ, заплатить оброкъ за всю семью, надуть при случаѣ хозяина, ловко провести покупателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный ремесленникъ или торговецъ. Молодой сидѣлецъ изъ свѣчной лавки игралъ въ этихъ бесѣдахъ весьма значительную роль. Ему, кажется, хотѣлось перещеголять портнаго и онъ должно быть многое лгалъ на себя, но истасканность его хорошенькой физіономіи показывала, что въ хвастовствѣ его была значительная доля правды.

На другой день утромъ мы подѣѣжали къ Борисоглѣбску. Когда пароходъ сталъ приближаться къ пристани, на которой толпилась порядочная кучка народу, сидѣлецъ изъ свѣчной лавки и нѣсколько человѣкъ его товарищей съ узлами и чемоданами въ рукахъ стояли у перилъ и готовились выйти на пристань. Въ лицѣ молоденькаго сидѣльца замѣтна была значительная перемѣна: нахальство и насмѣшливая улыбка, не покидавшая до того времени его губъ, исчезли; онъ поблѣднѣлъ, сталъ серьезенъ, пристально смотрѣлъ на берегъ и по всему было замѣтно, что глубокое чувство волнуетъ его молодую душу. Портной зашучивалъ съ нимъ, мальчикъ силился ему отвѣтить также шутками, но голосъ его дрожалъ. Онъ зорко смотрѣлъ на берегъ и, казалось, кого-то искалъ глазами на пристани.

— Никакъ это онъ и есть, проговорилъ наконецъ мальчикъ, сильно дрожащимъ голосомъ.

— Кто онъ? спросилъ портной.

— Отецъ-то мой, отвѣчалъ мальчикъ: онъ и есть.

— Батюшка! батюшка! кричалъ мальчикъ, махая картузомъ и въ этомъ крикѣ было неподдѣльное, худо скрытое чувство.

На пристани, при крикѣ мальчика въ особенности засуетился старишъ, крестьянинъ маленький, сухой, лицо котораго, по выражению Гоголя, походило на высохшую грушу. Узнавъ голосъ сына, старишъ засуетился, глядѣлъ во всѣ стороны; но въ толпѣ лицъ, собравшихся у перилъ подходящаго къ пристани парохода, не могъ распознать своего дѣтища; а можетъ быть и не узнавалъ его, потому-что не видалъ его болѣе четырехъ лѣтъ.

— Батюшка! Я здѣсь, батюшка! кричалъ мальчикъ. Но голосъ его рвался: не видѣть, старый! проговорилъ сидѣлецъ съ досады.

Наконецъ пароходъ присталъ. Молодой сидѣлецъ почти первый выскочилъ на пристань и, бросивши свой чемоданъ тутъ-же, при всемъ народѣ, повалился отцу въ ноги. Старишъ со слезами на глазахъ, дрожащими отъ волненія руками, поднялъ своего сына и, не говоря ни слова, осипалъ поцѣлуями, на которые мальчикъ отвѣчалъ также усердно, цѣлюя отца, то въ руки, то въ плечи, то въ морщинистое лицо, то въ сѣдую, жиденькую бороду. Сцена была глубоко-трогательная и тѣмъ болѣе трогательная, что проходила почти безъ словъ, въ отрывистыхъ выраженіяхъ. Чувство, охватившее обоихъ, отца и сына, рвало рѣчь на куски. Черезъ минуту они поспѣшно отправились на очень крутой берегъ. Мальчикъ взвалилъ свой чемоданъ на голову, но отецъ вырвалъ его у него изъ рукъ, поднялъ на свои старые плечи и оба любящія существа скоро исчезли изъ виду.

Чтѣ-бы осталось отъ этого мальчика, если-бы, слѣдя какой-нибудь новѣйшей теоріи, порвать эти святые нити, соединяющія его сердце съ семьею? Не значило-ли бы это задавить

въ немъ всякое нравственное чувство и поставить въ среду общества холодное, развратное, безнравственное, враждебное всѣмъ и каждому сердце?

Но спросить, быть можетъ, нась, неужели мы не находимъ въ душѣ русскаго крестьянина другихъ нравственныхъ качествъ, кромѣ патріархального чувства родственной любви? Неужели мы не предполагаемъ въ немъ какихъ-нибудь другихъ, болѣе широкихъ нравственныхъ стремленій? Но прежде всего мы думаемъ, что въ душѣ каждого человѣка есть всѣ душевныя человѣческія качества, всѣ хорошия и дурныя черты человѣческой души. Разница только въ томъ, что въ душѣ каждого человѣка однѣ черты выходятъ болѣе наружу и болѣе управляютъ его дѣйствіями; тогда какъ другія могутъ оставаться въ скрытомъ, почти зародышномъ состояніи и, вызываемыя случаемъ, проявляться не на долго и опять скрываться до новаго случая. Воспитаніе и жизнь, вызывая чаще и чаще изъ души нашей то или другое чувство, то или другое врожденное ей стремленіе, дѣлаютъ ихъ руководителями нашихъ мыслей и нашихъ дѣлъ. Семейный бытъ со своимъ патріархальнымъ христіанствомъ явился до-сихъ-поръ почти единственнымъ воспитателемъ нашего крестьянина; образованіе, школа, литература не принимали въ немъ почти никакого участія, а суровая жизнь окружала его большою частью непріязненными вліяніями, какъ чужаго, не выказывая къ нему ни малѣйшаго сочувствія. Чему-же удивляться, если въ душѣ человѣка, получившаго такое воспитаніе, однѣ семейныя отношенія пріобрѣтутъ полное право гражданства, и если, входя въ жизнь, которая обратилась къ нему только съ эгоистическими разсчетами на его дѣятельность, онъ самъ сдѣлается крайнимъ эгоистомъ. Если-бы сама общественная жизнь обратилась къ крестьянину съ безкорыстнымъ желаніемъ ему добра, то и въ его сердцѣ развилось-бы безкорыстное общественное чувство. Теперь-же нерѣдко случается, что крестьянинъ не посыпаетъ своихъ дѣтей въ школу, боясь, чтобы ихъ не взяли потомъ въ

писаря или въ солдаты: такъ недовѣрчиво смотритъ онъ на всякое безкорыстное усиліе въ его пользу. Отдаленныя политическія и государственныя соображенія почти совершенно чужды крестьянину; но если онъ въ своемъ ограниченномъ быту увидитъ и почувствуетъ, что о немъ заботятся честно и безкорыстно тѣ, для которыхъ онъ работаетъ не изъ однихъ расчетовъ на его тяжелый трудъ; если онъ почувствуетъ себя окончательной цѣлью государственныхъ заботъ и гражданиномъ государства—тогда и въ немъ раскроются гражданскія доблести.

Мы были-бы очень близоруки, если-бы подмѣтили въ характерѣ нашего простаго народа одинъ только патріархальный отънокъ. Нѣтъ, мы видимъ въ немъ много могучихъ задатковъ честной гражданственности, полной силы народности и безкорыстной человѣчности. Начало товарищества, проявляющееся въ дружинахъ, новгородскихъ ватагахъ, малороссійскомъ казачествѣ и нынѣшнихъ артеляхъ, не показываетъ-ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится въ славянской природѣ, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, дивнымъ образомъ соединяются патріархальная неподвижность съ беззавѣтною удалью. Не тотъ-же ли самый малороссіянинъ, который не знаетъ дороги до села, отстоящаго за десять верстъ, превращаясь въ казака, грабилъ берега Малой Азіи? А 1612 годъ не доказалъ-ли, что русскіе сознаютъ себя единымъ и самостоятельнымъ народомъ? А эти общества трезвости, возникающія сами собою, въ народѣ, для котораго было единственное *веселіе пить*, не показываютъ-ли возможность дружного и сильнаго пробужденія чувства человѣческаго достоинства? Нѣтъ, не мы предлагаемъ народу нравственное образованіе, а онъ самъ его хочетъ, просить и требуетъ отъ насъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ его тяжелымъ трудамъ.

Съ другой стороны, показывая совмѣстимость патріархальной нравственности съ понятіями и поступками вовсе не нравственными, мы не хотѣли этимъ унизить патріархальной

нравственности; а только хотѣли показать ея недостаточность при дальнѣйшемъ проникновеніи въ народѣ общѣй европейской цивилизації, входящей въ него покуда одною своею материальною стороною. Точно также, утверждая, что одностороння цивилизація дѣйствуетъ разрушительно на патріархальную нравственность, мы не вооружаемся противъ цивилизаціи, а только противъ ея односторонности. Мы желали-бы, чтобы изъ патріархальной нравственности, свидѣтельствующей о потребности глубокихъ и благородныхъ чувствъ въ нашемъ народѣ, выросла, какъ изъ плодовитаго зерна, нравственность гражданская государственная и общечеловѣческая или христіанская въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы желали-бы, чтобы не желѣзныя дороги, не промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею своею грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, разсчитывающая на трудовой грошъ крестьянина, а церковь и школа, не разрушая а освящая, и озаряя свѣтомъ мысли и чувства семейный быть и оставляя ему то, что принадлежитъ по праву всякому христіанскому семейству, вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархального быта, въ болѣе обширную и свободную сферу гражданского общества, государства и человѣчества.

Взглянувъ на то, что до настоящаго времени было сдѣлано для правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія сельскаго населенія, мы должны будемъ сознаться, что сдѣлано очень немногого. Не только, что число сельскихъ школъ весьма незначительно — это-бы была еще не бѣда, потому-что изъ немногихъ, но хорошо устроенныхъ школъ легко, и безъ насильственныхъ мѣръ возрождаются новыя — но что и тѣ школы, которыя существуютъ, если и учать чему-нибудь и какъ-нибудь, то уже рѣшительно никаколько не воспитываютъ своихъ учениковъ ни умственно, ни нравственно и не дѣйствуютъ никаколько на правильное развитіе народнаго характера, потому-что сами не имѣютъ никакого характера. Мы скажемъ немно-

гое, если скажемъ, что самое понятіе народной школы у насъ не уяснилось, такъ-что не только въ практикѣ, но и въ литературѣ нашей нисколько не опредѣлилось, что такое должно быть наша народная школа, какія условія должна она выполнять и къ какому результату стремиться, не говоря уже о томъ, что мы рѣшительно не имѣемъ ни народныхъ учителей, ни народныхъ учебниковъ, ни народныхъ книгъ для чтенія.

Что низшіе слои русскаго народонаселенія нуждаются въ школахъ, это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Но обладаетъ-ли это населеніе достаточными средствами, чтобы имѣть хорошо устроенные школы. Что касается до средствъ материальныхъ, денежныхъ, то мы скажемъ утвердительно, что эти средства есть или по-крайней-мѣрѣ могутъ быть отысканы, хотя хорошія школы, особенно въ первое время, стоятъ не дешево.

Весь откупной сборъ или лучше сказать расходъ народа по этой статьѣ раздѣляется самъ собою на три части, 1-е) *косвенный налогъ*, идущій на покрытие государственныхъ нуждъ. Эта часть откупнаго сбора въ томъ или другомъ видѣ, въ видѣ-ли прямого налога или въ видѣ какого-нибудь другого косвенного, будетъ существовать всегда и не только не должна уменьшаться, но должна развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ государственной жизни и государственныхъ потребностей. Вторая часть откупнаго сбора идетъ на покрытие издержекъ по самой процедурѣ собиранія налоговъ: на наемъ конторщиковъ, акцизныхъ, цѣловальниковъ и тому подобныхъ господъ. Но половины третьей части откупнаго сбора, половины тѣхъ миллионовъ, которые пошли въ сундуки самихъ откупщиковъ или издержаны на разныя откупные роскоши: на шампанское, актрисъ, орловскихъ рысаковъ, поѣздки за границу съ курьерами, неслыханныя кареты, въ которыхъ-бы откупной вельможа могъ и спать и Ѣсть, было бы достаточно для самаго блестящаго устройства народныхъ школъ. Но были-ли бы и тогда у насъ хорошія народныя школы — это еще вопросъ.

Въ денежномъ отношеніи мы замѣтимъ только одно, что устройство хорошихъ народныхъ школъ, правильно развивающихъ и правильно воспитывающихъ народъ, есть одна изъ самыхъ выгодныхъ и самыхъ прочныхъ финансовыхъ операций. Развивая умственные и нравственные силы народа, обогащая его полезными знаніями, возбуждая въ немъ разумную предпріимчивость и любовь къ труду, поощряя его воздерживаться отъ дикихъ, не производителныхъ издержекъ (каковы напр. издержки на пьянство, поглощающія разомъ, и деньги, и умъ, и время, и силы), укореняя въ массахъ простаго населенія правильный и ясный взглядъ на необходимость администраціи, законовъ и государственныхъ издержекъ, — истинное народное образованіе сохраняетъ, открываетъ и поддерживаетъ именно тѣ источники, изъ которыхъ льется народное богатство и льется само собою, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ: время, трудъ, честность, знаніе, умѣніе владѣть собой — физическая, умственные и нравственные силы человѣка — эти единственные творцы всякаго богатства.

И такъ въ денежномъ отношеніи нѣтъ большихъ препятствій къ устройству хорошихъ народныхъ школъ, по-крайней-мѣрѣ въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи. Если въ какомъ-нибудь селѣ, имѣющемъ населеніе до полуторы тысячи душъ мужескаго пола, и гдѣ откупъ пожинаетъ десятки тысячъ, нѣтъ не только хорошей, но даже никакой, народной школы, стоющей десятки рублей, то причины этого должно искать, конечно, не въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Но если мы оставимъ финансовый вопросъ въ сторонѣ и обратимся къ моральнымъ средствамъ, то увидимъ, какъ мы уже замѣтили выше, что у насъ нѣтъ покудова средствъ создать правильную народную школу: ни учителей къ тому приготовленныхъ, ни книгъ для того годныхъ, ни даже самаго понятія о томъ, чѣмъ должна быть русская народная школа.

Однакоже пусть читатель не придаетъ этимъ обвиненіямъ больше тяжести, чѣмъ они имѣютъ; пусть припомнить онъ,

что и въ самой Германіи, образованіе которой столькими столѣтіями опередило наше, нѣтъ еще и ста лѣтъ, какъ начала образовываться правильная, народная школа и учительскія семинаріи стали давать въ значительномъ количествѣ народныхъ учителей, приготовленныхъ къ своему дѣлу. Въ благородномъ нетерпѣніи нашемъ видѣть у себя поскорѣе все то хорошее, что мы видимъ въ другихъ странахъ, мы не должны забывать заглядывать въ исторію, которая скажетъ намъ, какъ медленно и постепенно выработывалось у другихъ это хорошее, преодолѣвая тысячи препятствій и уясняясь, укрѣпляясь и развиваясь именно въ этой самой борьбѣ. Мы не должны забывать, что народная школа не принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ народной жизни, которые могутъ быть цѣликомъ пересажены изъ одной почвы въ другую, и приняться въ средѣ народа. Конечно мы можемъ занять много полезныхъ педагогическихъ изобрѣтеній у западныхъ нашихъ братій, опередившихъ насъ въ образованіи. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи. Вотъ почему пусть читатель видѣть въ нашихъ обвиненіяхъ, касающихся всѣхъ насъ, посвятившихъ себя болѣе или менѣе дѣлу народного образованія, скорѣе сильное желаніе обратить вниманіе общества на крайнюю современную потребность учрежденія правильныхъ, воспитывающихъ народныхъ школъ, чѣмъ желаніе высказать бесполезный и обидный укоръ.

До-сихъ-поръ у насъ не выработалась идея народной школы: значитъ не пришло время этой идеи; но теперь, какъ намъ кажется, это время настало, и если не сама идея, которая вырабатывается еще можетъ быть не скоро, то по-крайней-мѣрѣ потребность этой идеи высказывается повсюду съ необыкновенною силою. Сочувствіе публики къ педагогическимъ вопросамъ, возникшія какъ-бы изъ земли сотни воскресныхъ школъ, школъ для бѣдныхъ, женскія училища доказываютъ, что время дѣйствительной народной школы настало.

Теперь, именно теперь, когда нась ожидаютъ глубокія общественные преобразованія, коренная перемѣна въ сельскомъ быту, появленіе въ обществѣ двадцати миллионовъ новыхъ гражданъ, финансовая реформа, сѣти жѣлѣзныхъ дорогъ и вслѣдствіе того проникновеніе промышленности и торговли съ ихъ хорошими и дурными спутниками въ отдаленнѣйшія захолустья, когда грамотность, потребность которой выказывается все сильнѣе, грозитъ сойтись съ подонками нашей литературы; когда самъ народъ обществами трезвости высказываетъ потребность нравственного преобразованія — должно наконецъ серьезно подумать объ устройствѣ русской народной школы.

Теперь только стала она возможною, и въ то-же время сдѣлалась необходимою. Теперь это уже не преждевременная прихоть, не страсть къ подражанію, не роскошь и даже не просто хорошее богоугодное дѣло, но насущный, жизненный вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія и отъ разрѣшенія кото-раго, болѣе или менѣе удачнаго, зависитъ правильный исходъ всѣхъ прочихъ реформъ начатыхъ или предполагаемыхъ въ настоящее время.

Въ рѣшеніи столь важнаго общественного вопроса должны принять участіе и литература и все общество, потому-что въ дѣлѣ общественного воспитанія, общественное мнѣніе всегда будетъ играть важную роль; но главными участниками въ практическомъ разрѣшеніи этого вопроса явятся безъ сомнѣнія съ одной стороны церковь, съ другой все наше учебное и ученое сословіе—представители духовнаго и представители свѣтскаго образованія. По коренному смыслу христіанской религіи духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежитъ не только принятіе въ нѣдра церкви нового христіанина посредствомъ таинства кре-щенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ и въ нравственный храмъ христіанства. Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, какъ приготовительницы христіанина

къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ; словомъ, что духовные пастыри наши должны приготавлять въ насть не только членовъ церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства. Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчить характеру дѣятельности священно-служительской; но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ. Можетъ ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія, какая нибудь дѣятельность приличнѣе воспитанія моло-дыхъ поколѣній.

Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ Онъ такъ строго заповѣдалъ своимъ ученикамъ. Но съ другой стороны искусство воспитанія выросло медленнымъ, историческимъ путемъ и тотъ, кто хочетъ воспитывать дѣтей, долженъ посвятить много времени этому искусству. Теперь едва-ли уже можно сомнѣваться въ томъ, что для воспитателя не достаточно быть только учителемъ и что для самого учителя не достаточно знать чему учить, но должно еще знать, какъ учить, и не только знать теоретически, но умѣть практически. Неудачные опыты нашего ученія и воспитанія, кажется, должны были уже убѣдить всѣхъ, что искусство воспитанія, какъ и искусство врачеванія, требуетъ долговременной специальной, теоретической и практической подготовки. Мы считаемъ совер-шенно приличнымъ и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы духовныя лица могли стоять во главѣ не только народ-ныхъ школъ, но быть на равнѣ съ свѣтскими лицами начальниками и главными распорядителями и въ другихъ высшихъ школахъ. Но для этого надобно, чтобы они по своему общему образованію и по своему педагогическому

подготовленію были способны къ такой всесторонней воспитательной дѣятельности. Однако состояніе нашихъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ совершенно нѣть никакой педагогической подготовки, и даже отчасти способъ преподаванія Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ училищахъ, являются практическимъ доказательствомъ того, что наше духовенство очень мало знакомо съ педагогическимъ искусствомъ и въ этомъ отношеніи во многомъ еще находится на той ступени, на которой схоластика оставила искусство воспитанія. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ педагогическую подготовку, сообразную съ требованіями новѣйшей педагогики для лицъ назначающихъ себя къ занятію духовныхъ должностей, если съ этими должностями желаютъ соединить педагогическую дѣятельность.

Дѣло не въ томъ, кто—духовное или свѣтское лицо—долженъ завѣдывать народною школою; но въ томъ, чтобы завѣдывающій народною школою былъ истинный христіанскій воспитатель, истинный педагогъ по призванію, по цѣли, по знаніямъ и искусству; простая добросовѣтность должна удерживать каждого изъ насъ отъ возложенія на себя обязанностей, искусство исполненія которыхъ намъ чуждо. Но въ томъ то и бѣда, что не многіе у насъ еще и до-сихъ-поръ убѣждены, что воспитаніе есть искусство и притомъ искусство не легкое, хотя казалось-бы результаты, которыхъ мы до-сихъ-поръ достигали въ воспитаніи, могли убѣдить въ этомъ каждого. Но если необходимо, чтобы духовныя лица, посвящающія себя воспитательной дѣятельности, были хорошими педагогами, то съ другой стороны необходимо также, чтобы свѣтскія лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошиe педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣженіямъ, на сколько убѣженія человѣка доступны взору другихъ людей. Какъ только мы захотимъ отдать непереходимою гранью преподаваніе Закона Божія отъ преподаванія другихъ предметовъ, то хотя преподаваніе различныхъ предметовъ и останется, но воспитаніе исчезнетъ.

Современная педагогика исключительно выросла на христіанской почвѣ и для настъ не христіанская педагогика есть вещь немыслимая — безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди.

Можно-ли себѣ представить напримѣръ, сколько нибудь сноснаго учителя грамотности даже , который-бы не коснулся религіозныхъ истинъ, если только онъ не занимается однимъ механизмомъ чтенія, убийственнымъ для дѣтской головы. Мы требуемъ, чтобы учитель русскаго языка, учитель исторіи и т. д. не только вбивали въ голову своимъ ученикамъ факты своихъ наукъ, но развивали ихъ умственно и нравственно. Но на чёмъ-же можетъ опираться нравственное развитіе , если не на христіанствѣ ? Если такое отдѣленіе провести послѣдовательно, то можно даже отцу и матери запретить внушать религіозныя истины своимъ дѣтямъ.

Мы будемъ еще говорить впослѣдствіи о томъ вредномъ вліяніи, которое имѣеть раздѣленіе между многими преподавателями въ младшихъ классахъ всѣхъ нашихъ училищъ, вліяніи, подкапывающемъ подъ самый корень нравственную силу воспитанія. Но конечно о такомъ раздѣленіи , когда дѣло касается народной школы, и рѣчи быть не можетъ. Въ этой сфере своей ученіе не можетъ еще подраздѣляться на различные науки и должно быть единствено только средствомъ къ общему умственному и нравственному развитію. Внести въ народную школу какое-бы то ни было раздѣленіе наукъ между различными преподавателями , значитъ нарушить основной характеръ народной школы, для преподаванія въ которой преподавателю не нужно имѣть богословскихъ познаній, ни умѣть читать по еврейски, гречески, ни быть словесникомъ , историкомъ , геологомъ ; но просто всесторонне образованнымъ христіаниномъ , имѣющимъ призваніе къ педагогической дѣятельности и знакомымъ теоретически и еще болѣе практически съ искусствомъ воспитанія. Такого соединенія въ

одномъ лицѣ требуемъ мы не только потому, что легче и полезнѣе имѣть одного посредственаго воспитателя, чѣмъ пять или шесть плохихъ преподавателей; но и потому, что лучше имѣть одного хорошаго воспитателя въ народной школѣ, чѣмъ цѣлый десятокъ отличныхъ учителей. Всякое-же раздробленіе предметовъ въ школѣ, назначенной для простого народа или дѣтей младшаго возраста необходимо и неизбѣжно превращаютъ воспитателя въ учителя.

Воспитателемъ въ народной школѣ вообще, не можетъ быть такой человѣкъ, который не знакомъ на столько съ христианскою религіею, чтобы не быть въ состояніи сообщить одинадцатилѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія только они могутъ принять по ихъ возрасту и развитію. Такой воспитатель вообще не можетъ быть воспитателемъ и тѣмъ болѣе воспитателемъ въ народной школѣ.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что въ народной школѣ воспитателемъ можетъ быть одинаково, какъ свѣтское, такъ и духовное лицо, только-бы они были подготовлены къ дѣлу воспитанія; что дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверіемъ церкви.

При этомъ мы считаемъ удобнымъ выразить вообще желаніе, чтобы наше свѣтское образованіе сблизилось съ религіознымъ; особенно, приступая къ дѣлу народнаго воспитанія, весьма полезно-было, чтобы для свѣтскихъ лицъ была открыта возможность полнаго богословскаго образованія — въ семинаріяхъ-ли или въ университетахъ, и чтобы для лицъ духовнаго званія сдѣгалось доступнымъ полное педагогическое образованіе. Тогда только мы вправѣ будемъ ожидать плодовитаго сближенія между этими двумя сторонами русской жизни: между образованіемъ и церковью. Если этого сближенія еще не произошло, то въ этомъ никакъ не виноваты основанія православной религіи, потому-что православіе есть единственная религія, представляющая всѣ условія для такого движенія.

Оставляя въ сторонѣ чисто религіозное значеніе правосла-

вія, и глядя на него только со стороны жизни земной, общественной, мы видимъ въ немъ единственную религію, которая, сохраняя нерушимо не только общія, основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, можетъ стать религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизациі.

Католицизмъ не истинами христіанства, а своею іерархіею поставилъ препону цивилизациі народа, и эта препона оказалась беспомощною. Земное владычество, а не польза народная было главнымъ мотивомъ католическихъ прелатовъ. Характеръ протестантизма опредѣляется всего лучше его названиемъ — это вѣчная протестація, вѣчное отрицаніе, которое не можетъ остановиться, не отказавшись отъ собственнаго своего характера. Протестантизмъ силенъ лишь только дотѣхъ-поръ, пока протестуетъ; но какъ только захочетъ остановиться, превратиться въ ортодоксію, такъ и обнаружится неопределенность его границъ. Вся исторія протестантизма проходитъ или въ протестаціяхъ, и тогда она блестяще и возбуждаетъ сочувствіе, или въ попыткахъ остановиться и тогда она темна и возбуждаетъ неудовольствіе. Протестантизмъ разъ сдвинулся съ историческихъ основъ и теперь ему трудно остановиться. Но, видя всѣ коренные недостатки протестантизма, мы не можемъ не сознаться, что онъ, по-крайней-мѣрѣ некоторое время, соединивши церковь съ школою, имѣлъ сильное вліяніе на возвышение уровня народной нравственности.

Православная религія величественно идетъ по средней, истинной дорогѣ; она, свято сохрани древнія формы христіанства и не объявляя римскихъ притязаній на земную власть, благословляетъ и освящаетъ всякий истиинный прогрессъ. Сохраненные православiemъ древнія, безконечно глубокія и полныя мысли формы христіанства открываютъ возможность безконечнаго, прогрессивнаго углубленія въ себя, какъ для младенчествующаго народа, такъ и для народа обогатившагося всѣми плодами образованія. Церковь православная никогда не

сдѣлается государствомъ и никогда не превратится въ школу; она останется всегда вѣчнымъ, неземнымъ учрежденіемъ.

Наши духовные пастыри сберегли для насъ драгоценное сокровище; но сохраненіемъ чистоты догматовъ вѣры, вѣчнымъ, неумолкающимъ служеніемъ алтарю, не ограничиваются ихъ обязанности: они должны вводить народъ въ таинственный смыслъ этихъ догматовъ и въ нравственный храмъ христіанства. Но для этого, какъ мы уже сказали, недостаточно одного служенія алтарю и одной проповѣди; къ этому должно присоединиться и ученіе. Но кто хочетъ учить, тотъ долженъ снизойти до потребности ученика, заглянуть въ его душу, быть не только христіанскимъ священнослужителемъ, но и христіанскимъ педагогомъ.

Не забудемъ, что величайшіе двигатели дѣла народнаго воспитанія: Франкѣ, Песталоцци, Арнольдъ, именно въ христіанствѣ почерпали силы для своей плодовитой и энергической дѣятельности, пересоздавшей воспитаніе Европы.

К. УШИНСКИЙ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ДЕКАБРЬ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѣтие).

СОДЕРЖАНИЕ:

Отдѣлъ I. Педагогика и дидактика.

- 1) Очеркъ исторіи народныхъ училищъ въ Германіи (статья вторая) Ю. РЕХНЕВСКАГО.
- 2) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи (статья вторая) К. УШИНСКАГО.
- 3) Учительскія семинаріи въ Пруссіи. Состав. В. ИГНАТОВИЧЪ.

Отдѣлъ III. Критика и библиографія.

- 1) Руководство къ педагогикѣ Шерра, В. ИГНАТОВИЧА (окончаніе).
- 2) Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова, статья ВОДОВОЗОВА.
- 3) Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за первую половину 1860 г. Правовѣденіе, исторія русская и всеобщая.

Отдѣлъ IV. Извѣстія и смѣсь (см. на оборотѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

О НРАВСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ РУССКОМЪ ВОСПИТАНИИ.

(Статья вторая).

Задумавъ высказать наше мнѣніе о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи, мы скоро убѣдились, что избрали такой предметъ, богатаго содержавія котораго не исчерпать не только одною или двумя, но цѣлымъ рядомъ журнальныхъ статей, а потому, чтобы не говорить обо всемъ слишкомъ поверхностно, мы просимъ позволенія у нашихъ читателей, не смотря на общее заглавіе въ этой второй статьи, говорить въ ней только о *семейномъ* воспитаніи нашего дворянства, предоставивъ себѣ право поговорить въ другое время какъ о воспитаніи остальныхъ классовъ русского общества, такъ и о нравственномъ элементѣ именно въ школьномъ воспитаніи, а равно и о томъ чисто аристократическомъ оттѣнкѣ, который придаетъ совершенно особый характеръ воспитанію въ иѣкоторыхъ семействахъ.

Мы выбрали для нашей статьи воспитаніе дворянства не только потому, что съ этимъ воспитаніемъ мы знакомѣ, чѣмъ съ воспитаніемъ другихъ классовъ; но и потому, что именно изъ этого класса выходитъ несравненно-большая часть лицъ, на нравственное достоинство которыхъ *преимущественно* опи-

рается наша государственная служба, наша литература, и
наше общественное образование.

Классъ средняго, мелкопомѣстнаго и вовсе безпомѣстнаго
дворянства, который по преимуществу можетъ быть названъ
служебнымъ, сливающійся въ высшихъ предѣлахъ своихъ съ
аристократическимъ слоемъ и гораздо рѣзче отдѣляющійся отъ
низшихъ слоевъ общества, часто подвергался болѣе или менѣе
справедливымъ нападкамъ со стороны нашей литературы, при-
чемъ нерѣдко забывалось, что именно этому самому классу,
изъ которого возникаетъ наше чиновничество, обязана Рос-
сія большей частью лучшихъ дѣятелей ея цивилизаціи во
всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Припомнимъ себѣ
только то, что, большею частію, наши великие полководцы,
наши писатели и профессора вышли именно изъ этого
класса, и что съ исторіей его до-сихъ-поръ связана пре-
имущественно исторія государственного управления, образова-
нія и литературы, и мы будемъ снисходительнѣе смотрѣть на
недостатки его воспитанія, чувствуя, что въ этомъ воспитаніи
должны быть и существенные достоинства, если оно могло по-
родить столько достойныхъ уваженія личностей, которымъ рус-
скій народъ обязанъ лучшими проявленіями своей жизни.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ перечисленію достоинствъ
и недостатковъ въ воспитаніи дѣтей этого сословія, мы дол-
жны сдѣлать небольшую оговорку. Высказывая какой-нибудь
недостатокъ въ воспитаніи дворянскаго класса, мы никакъ не
хотимъ сказать, чтобы этотъ недостатокъ былъ общимъ для
всякаго дворянскаго семейства. Если Гоголь рисовалъ своего
городничаго, то вѣроятно, ему было не безызвѣстно, что не
всѣ русскіе городничіе похожи на Сквозника-Дмухановскаго.
Не имѣя никакихъ претензій даже на малѣйшую долю иску-
ства великаго художника, мы тѣмъ не менѣе считаемъ и себя
въ правѣ, выставляя тотъ или другой по нашему мнѣнію ти-
пическій недостатокъ воспитанія, не говорить о множествѣ ис-
ключеній, хотя, какъ мы сказали выше, *именно эти самые ис-*

ключенія и дали намъ желаніе выставить болѣе общіе недостатки. Съ другой стороны, выставляя многіе изъ этихъ недостатковъ и достоинствъ, мы сознаемъ, что они общіи не одному дворянскому классу. Мы, если хотите, будемъ говорить и въ этой статьѣ о нравственномъ элементѣ въ нашемъ семейномъ воспитаніи вообще, но передъ нашими глазами преимущественно будетъ находиться то воспитаніе, съ которымъ мы наиболѣе знакомы — воспитаніе средняго дворянства.

Патріархальность во взглядахъ на нравственные отношенія, которую мы указали въ низшихъ слояхъ русского народа, является такою-же характеристическою чертою и въ нашемъ дворянствѣ.

Стоитъ присмотрѣться къ общественнымъ отношеніямъ въ нашихъ дворянскихъ или служебныхъ кружкахъ, чтобы замѣтить, что въ понятіяхъ о нравственности и здѣсь патріархальный элементъ сильно преобладаетъ или, по-крайней-мѣрѣ, преобладалъ до-сихъ-поръ надъ элементомъ государственнымъ и гражданскимъ. Человѣкъ, умѣющій себя держать прилично въ обществѣ, строго соблюдающій вмѣстѣ съ тѣмъ прихотливыя условія мелкой общественной честности, хороший семьянинъ, исполняющій въ то-же время виѣшніе религіозные обряды, гостепріимный хозяинъ и человѣкъ, не нарушающій своего дворянскаго слова, честный плательщикъ своихъ долговъ, сдѣланныхъ на честное слово и особенно карточныхъ, человѣкъ, не позволяющій себѣ безнаказанно наступить на ногу, можетъ навѣрное разсчитывать на полное общественное уваженіе во многихъ кружкахъ, хотя бы источники его доходовъ бывали самые вредные, хотя бы его благоденствіе коренилось въ казнокрадствѣ, во взяткахъ и угнетеніи собственныхъ крестьянъ. Здѣсь снова не въ томъ дѣло, что существуютъ взяточники, казнокрады и люди безчувственные, не имѣющіе понятія не только о любви, но даже о христіанскомъ состраданіи къ меньшимъ братіямъ; но въ томъ, что общество часто мирится съ такими людьми, что оноши-

роко раскрываетъ для нихъ свои двери, что такія лица являются часто любимѣшими членами многихъ общественныхъ кружковъ, пріятѣшими собесѣдниками, выгоднѣшими женихами, руководителями удовольствій, законодателями общественаго мнѣнія и такъ далѣе.... Бѣда не въ томъ, что существуетъ эта язва, обезсилающая государство, но въ томъ, что часто мы называемъ эти язвы маленькими грѣшками, которые очень легко извиняемъ и въ себѣ и въ другихъ. Бѣда въ томъ, что наши христіанскія убѣжденія такъ легко примиряются съ этими страшными язвами и что совѣсть наша, которая мучить насъ за нарушеніе какихъ-нибудь семейныхъ отношеній, нерѣдко легкимъ вздохомъ, похожимъ болѣе на зѣвокъ, чѣмъ на выраженіе раскаянія, раздѣлывается за самые тяжкіе общественные грѣхи. Какъ часто намъ удавалось слышать, что какой-нибудь почтенный отецъ семейства, составившій себѣ благопріобрѣтенное состояніе на службѣ, говорить своимъ близкимъ знакомымъ и дѣтямъ, что вотъ-де, *благодаря Бога*, онъ устроилъ и то, и се, имѣть и домъ, и капиталецъ, и чины, и ордена, пользуется общественнымъ уваженіемъ и любимъ своими пріятелями; что вотъ-де и вы, дѣти, не забывайте Бога, молитесь усерднѣе и Онъ васъ не оставитъ и т. п. Такія рѣчи не разъ удавалось слышать каждому изъ насъ и общественное мнѣніе нерѣдко оправдываетъ такія рѣчи, и человѣкъ, который въ своемъ состояніи не можетъ упрекнуть себя ни однимъ неправильно нажитымъ грошемъ, растворяетъ часто настежь свои двери для *благопріобрѣтателей* подобнаго рода. Какъ часто намъ удавалось видѣть, что какая-нибудь заботливая мать отыскиваетъ для своей дочери именно такого жениха, который-бы обладалъ, или, по-крайней-мѣрѣ могъ обладать тепленькимъ мѣстечкомъ, человѣка *солиднаго*, что на службномъ языке почти всегда означаетъ человѣка, умѣющаго обращать свое офиціальное положеніе въ свою собственную пользу. «Вы теперь уже семьянинъ», часто говорятъ новому мужу или новому отцу семейства: «и вамъ пора уже оставить всѣ

фантазии молодости, сдѣлаться человѣкомъ «смильнымъ», позабыться о семье». И — эти заботы о семье заводятъ человѣка часто въ самую грязную яму.

Женщины въ заботахъ о семье естественно вдуть еще дальше мужчинъ. Получивъ поверхностное, по большей части вышеизданое образованіе, недостаточно развитыя для того, чтобы понимать какія-нибудь серьезныя общественные отношенія или свести идеи частнаго и общественнаго блага, проникаются онѣ въ семействѣ, еще исключительнѣе чѣмъ мужчины, эгоистическими началами. Имъ нерѣдко кажется, что весь міръ, все государственное устройство, вся служба только для того и существуютъ, чтобы ихъ мыльный дѣткамъ было хорошо. Ихъ семья дѣлается для нихъ средоточиемъ вселенной, и даже въ самой религіи видятъ онѣ средство только семейнаго благополучія и благосостоянія. Онѣ молятся горячо, но молятся единственно о счастіи своихъ дѣтей, т.-е. обѣ ихъ здоровье, богатство, будущихъ чинахъ, крестахъ, имѣніяхъ и проч. и проч. Интересы государства, интересы народа, науки, искусства, литературы, цивилизаций, христіанства для нихъ чужды или, лучше сказать, все это для нихъ существуетъ на столько, на сколько можетъ принести пользы ихъ дѣтямъ. Лакедемонянка, подавая щитъ своему сыну, говорила ему: «возвратися или съ нимъ или на немъ». Наша современная мать, приготовляя сына къ жизни, наоборотъ, думаетъ нерѣдко только о его счастіи, а не о его нравственномъ достоинствѣ, и часто желаетъ ему счастія во что-бы ни обошлось оно государству, человѣчеству и собственному, нравственному достоинству ея сына. Мы понимаемъ всю узкость возврѣній спартанки; но если христіанство расширило тѣсные предѣлы исключительнаго общества не только до предѣловъ человѣчества, но и до безграничности вселенной, то конечно этимъ самымъ оно не сняло съ насъ обязанности жить для блага и истины и служить имъ точно такъ-же, какъ служилъ спартанецъ тѣсной идеѣ своей отчизны. Но много-ли найдется между нашими родителями такихъ, которые-бы

серъезно, не для фразы только, сказали своему сыну: «служи
идея христианства, идея истины и добра, идея цивилизаций,
идея государства и народа, хотя бы это стоило тебе величай-
шихъ усилий и пожертвований, хотя бы это навлекло на тебя
несчастие, бѣдность и позоръ, хотя бы это стоило тебе самой
жизни». А такія слова были-бы не болѣе, какъ христианскимъ
переводомъ словъ лакедемонянки, въ, скажемъ болѣе, идея, вы-
ражаящаяся въ этихъ словахъ, есть единственная идея, на ко-
торой можетъ основываться истинное христианское воспитаніе.
«Ищите прежде всего царствія Божія», говоритъ Спаситель,
«и все остальное само собою приложится вамъ». А что-же та-
кое царствіе Божіе, какъ не царство вѣры, истины и добра?
Но мы поступаемъ не такъ: мы готовимъ дѣтей нашихъ не для
борьбы съ жизнью, а только для того, чтобы имъ было удоб-
нѣе плыть по ея течению. Если мы и советуемъ имъ мо-
литься, то прибавляемъ при этомъ: молись и будешь счастливъ,
т.-е. будешь здоровъ, уменъ, богатъ, въ чинахъ и т. д., за-
бывая тѣ евангельскія слова, гдѣ выражено, что всѣхъ
сихъ благъ вищутъ язычники, и гдѣ христианское понятіе о
счастіи навсегда отдѣлено отъ языческаго. Да, мы смѣло вы-
сказываемъ, что семейный эгоизмъ нашъ отравляетъ въ са-
момъ кориѣ наше общественное воспитаніе — это его глубо-
чайшая язва, изъ которой, по нашему мнѣнію, проис текаютъ
всѣ остальные болѣзни, и этихъ болѣзней не излечить никакими
эгоистическими философскими теоріями и никакими материали-
стическими воззрѣніями на жизнь. Если мы будемъ говорить
человѣку, что весь онъ грязь, что все и вся жизнь человѣче-
ства есть дѣло случая, что все исчезнетъ вмѣстѣ съ нами, что
прогрессъ развитія истины и добра есть создавіе болѣзненной
фантазіи, боящейся смерти, — то я не думаю, чтобы такими
фразами мы могли исцѣлить эту общественную язву.

Конечно, никто не потребуетъ отъ насъ, чтобы мы въ од-
ной короткой журнальной статьѣ, обрисовали все то многовѣт-
вистое дерево зла, которое выростаетъ изъ плодовитаго зерна

семейного эгоизма. Мы укажемъ только на некоторые, наиболѣе кидающіяся въ глаза явленія.

Русскихъ отцовъ и матерей семейства изъ дворянскаго круга никакъ нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они мало занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей: напротивъ, въ большей части дворянскихъ семействъ воспитаніе составляетъ главную заботу родителей, цѣль ихъ жизни, передъ которой часто преклоняются всѣ другія цѣли и побужденія. Многими родителями овладѣваетъ даже истинная страсть къ воспитанію, и иные дворянскіе дома, гдѣ есть пять, шесть человѣкъ дѣтей въ учебномъ возрастѣ, превращаются въ настоящія жидовскія школы. Во всѣхъ комнатахъ и во всѣхъ углахъ, на шкалахъ и за зеркалами, на столахъ и подъ столами вы замѣтите слѣды самой яростной воспитательной дѣятельности: тамъ мальчикъ зубрить французскую грамматику, тамъ дѣвочка твердить вокабулы, тамъ Петруша отхватываетъ страницу изъ священной исторіи, тамъ Ванюша выкрикиваетъ европейскія рѣки, тамъ раздаются крики Саши, на лѣноть котораго пожаловался учитель. Отецъ и мать принимаютъ самое дѣятельное, самое живое участіе въ дѣтскихъ занятіяхъ. Онъ силится припомнить полузабытыя имъ правила ариѳметики; она зорче всякой классной дамы слѣдить пальцемъ по книгѣ, прослушивая урокъ сына или дочери, и только по временамъ, бѣдная, глубоко вздохнетъ, подумавъ о томъ, какъ долго еще до того счастливаго времени, когда дѣти ея наконецъ будутъ имѣть право бросить всѣ эти мучительныя книжонки и позабыть на всегда то, что въ нихъ написано, — когда, исполнивъ, наконецъ, всѣ прихотливыя требованія экзамена, ея милые дѣти получать билетъ для выхода на общественную сцену и займутся существенными интересами жизни: теплыми и видными мѣстами, выгодной женитьбой и прочими прекрасными и истино полезными вещами. Наши предки не понимали прихоти Петра Великаго, гнавшаго ихъ насильно къ образованію, но и мы сами еще едвали вполнѣ сознали его потребность: чувствуемъ только, что

въ настоящее время безъ него обойтись нельзя, что безъ него и въ общественной жизни, а главное въ службѣ нашимъ дѣтямъ придется плохо, и со вздохомъ покоряемся злой необходимости. Отсюда происходитъ и тотъ апатический, мрачный взглядъ, которымъ наше общество смотрѣло до-сихъ-поръ на своихъ педагоговъ: такимъ взоромъ встрѣчаетъ иногда большой цирюльника, который пришелъ вырвать ему зубъ.

Благодаря Бога, въ послѣднее время сильно стала пробуждаться болѣживая и разумная потребность образованія; но покуда это еще какое-то неясное чувство, скорѣе страхъ темноты, гдѣ всѣмъ намъ приходилось плохо, чѣмъ любовь къ истинному свѣту. Отъ этого первого побужденія до сознанія истиннаго, христіанскаго значенія образованія еще далеко.

Нѣть! въ недостаткѣ заботливости о воспитаніи дѣтей нельзя упрекнуть нашихъ родителей: этой заботливости такъ много, что если-бы она была направлена на истинный путь, то воспитаніе наше достигло-бы высокаго развитія. Но, выходя изъ источника семейнаго эгоизма, заботы эти приводятъ часто къ печальнымъ результатамъ и скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ правильному общественному воспитанію. По большей части, дѣтей не воспитываютъ, а *готовятъ*, чуть не съ колыбели къ поступленію въ то или другое учебное заведеніе или къ выполненію условныхъ требованій того общественнаго кружка, въ которомъ, по мнѣнію родителей, придется блестать ихъ дѣтямъ. Вотъ откуда происходятъ тѣ поистинѣ дикия заботы о французскомъ языкѣ, которыя такъ вредно дѣйствовали на воспитаніе многихъ; вотъ откуда происходятъ и тѣ странные вопросы, которые намъ часто приходилось слышать: «по какимъ учебникамъ проходится арифметика или географія въ такомъ заведеніи» — я готовлю туда сына или дочь? и т. под. И напрасно-бы вы старались отѣлаться отвѣтами, что требуются вообще какія-то и такія-то познанія, а не знаніе тѣхъ или другихъ учебниковъ. «Нѣть, все-таки вѣрнѣе», отвѣтить вамъ родитель. И изъ этого неважнаго обстоя-

тельства вы уже можете заключить, какой характеръ имѣютъ его воспитательные заботы. Напрасно старались бы вы увѣрить какую-нибудь родительницу, что слишкомъ раннее изученіе иностранныхъ языковъ сильно вредитъ правильному умственному развитію ребенка. Если вамъ и удастся доказать ей эту истину совершенно ясно, то она, можетъ быть, и вздохнетъ, но скажетъ: «все это такъ, но какъ-же обойтись-то безъ французского языка, а станутъ дѣти изучать его позже, то никогда не пріобрѣтутъ хорошаго выговора». И для этого хорошаго выговора жертвуєтъ она иногда не только умственнымъ развитіемъ, но и нравственностию своихъ дѣтей, вѣряя ихъ иностраннымъ авантюристамъ и авантюристкамъ. «Зачѣмъ вы учите вашу дочь музыкѣ?» спрашиваете вы другую мать: «у нея иѣтъ никакихъ музыкальныхъ способностей и она никогда не полюбитъ музыки». Но въ головѣ заботливой родительницы уже просятся женихи, для которыхъ невѣста съ музыкою также необходима, какъ невѣста съ французскимъ языкомъ, для Анучкина въ гоголевской женитьбѣ. «Выйдетъ замужъ, можетъ музыку и бросить», думаетъ про себя заботливая мать, «а до-тѣхъ поръ пусть поиграетъ». И мучить понапрасну и учителя и дочь. Не изъ этого-ли-же источника проистекаетъ презрѣніе къ отечественному языку и къ отечественной музыке? Развѣ иѣтъ еще теперь матушекъ, которымъ сынъ или дочь доставлять большое удовольствіе, сдѣлавъ ошибку въ русскомъ языкѣ, показывающую, что иностранный элементъ начинаетъ решительно преобладать въ ихъ головахъ; тогда-какъ ошибка ихъ во французскомъ языкѣ доводитъ иногда слабонервную матушку до истерики и слезъ. Это, вотъ видите-ли, такъ мило, такъ аристократично — ошибаться по-русски: и къ сожалѣнію это действительно очень аристократично. Не изъ того-же-ли источника происходитъ и то, что наши прекрасныя русскія пѣсни и наши дивные славянскіе мотивы, которыми такъ дорожилъ великий Бетховенъ, остаются въполномъ пренебреженіи и вымираютъ даже въ устахъ кормилицъ и нянекъ, хотя онъ долго убаюкивали этими пѣснями

дѣтство русского человѣка. Глупѣйшіе романсы, самымъ жалкимъ образомъ исполненные итальянскія аріи — все это такъ аристократично!

Аристократичность, стремленіе лѣзть вверхъ, дать своимъ дѣтямъ такое образованіе, чтобы они стали выше наась въ обществѣ, чтобы они выбрались изъ того положенія, въ которомъ мы сами стоимъ — вотъ одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ вашей семейной воспитательной дѣятельности. Всякая сколько-нибудь здравая педагогика говоритъ намъ: воспитывайте вашихъ дѣтей такъ, чтобы они, выросши, были довольны не только тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились ихъ родители, но и гораздо болѣе скромнымъ. Но наша практическая семейная педагогика говоритъ другое. Мы всѣ мало думаемъ о томъ, чтобы быть полезными на томъ мѣстѣ, на которомъ стоимъ, но стараемся лѣзть все вверхъ, да вверхъ и если не можемъ сами забраться выше, то хотимъ подставить лѣстницу хотя нашимъ дѣтямъ. Это семейное тщеславіе — одна изъ отличительныхъ чертъ русского воспитанія, и къ какимъ дикимъ и жалкимъ явленіямъ оно часто наась приводить! Вотъ отецъ и мать, не понимающіе ни слова ни на одномъ иностранномъ языке, наполнили свой домъ иностранцами и иностранками и хдятъ въ собственной своей семье, какъ въ лѣсу, не понимая ничего, что вокругъ ихъ дѣлается и говорится. Вотъ папаша, обладающій грубѣйшими манерами полковаго писаря, заботится объ аристократичности въ манерахъ своихъ дѣтей и колотитъ своего сынишку за то, что онъ погралъ съ сыномъ дворника. Вотъ господинъ, дотянувшій до статского советника, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы втиснуть своего сына въ аристократическое училище и т. д. Сколько жалкихъ, и смѣшныхъ, и безобразныхъ явленій! Если-бы родители заботились о томъ, чтобы дѣти ихъ получили лучшее воспитаніе, чѣмъ получили они сами, — то это было-бы очень утѣшительное явленіе. Но развѣ это забота о воспитаніи? Нѣть, это только желаніе блеснуть другимъ въ глаза, стать на голову другимъ.

Какъ часто бѣднѣшіе люди растрачиваютъ послѣднія крохи, чтобы дать *блестящее* воспитаніе своимъ дѣтямъ, и по-тому удивляются: почему эти дѣти, воспитавши межу дѣтьми людей богатыхъ и знатныхъ, дѣлаются или несчастными, или ни къ чему негодными, или даже мелкими плутами, которые различными продѣлками поддерживаютъ себя въ высшемъ кругу. Какъ часто такие родители, съ накинѣвшимъ горечью въ сердцѣ, говорятъ своимъ страдающимъ или безпутнымъ дѣтямъ: «мы ничего не жалѣли для вашего воспитанія, мы отказывали себѣ въ кускѣ хлѣба, чтобы дать вамъ воспитаніе самое блестящее, какое получаютъ только дѣти князей и графовъ—и что изъ васъ вышло?» Бѣдные родители, жалкія дѣти! Да развѣ это было воспитаніе, а не дрессировка простой крестьянской лошади, которой назначено пахать землю, на манеръ дорогого англійскаго коня? Развѣ воспитаніе, чѣмъ аристократичнѣе, тѣмъ и лучше?

Менѣе вреда, но тоже достаточно, производить другое болѣе мелкое проявленіе тщеславія въ воспитаніи. Въ иномъ семействѣ не пропустятъ ни одного знакомаго, чтобы не показать ему, какъ хорошо дѣти декламируютъ стихи, какъ хорошо они танцуютъ, какъ говорятъ по французски и т. под. Эти семейные публичные экзамены еще смѣшаютъ и вредятъ публичныхъ экзаменовъ многихъ нашихъ учебныхъ заведеній. Какъ часто на этихъ экзаменахъ воспитаніе такъ противуестественно борется съ врожденною, драгоцѣнною стыдливостю дѣтей; какъ часто раздуваютъ въ нихъ самолюбіе, зависть, тщеславіе, нахальство, кокетство съ такою заботливостію, какъ будто бы это были лучшія человѣческія добродѣтели.

Подъ вліяніемъ этого-то семейнаго эгоизма и пропискающаго изъ него тщеславія, портится не только умственное, но и нравственное образованіе нашихъ дѣтей: какъ часто подавляемъ мы въ нихъ драгоцѣннѣйшія свойства души человѣческой единственно только потому, что они проявляются не въ тѣхъ формахъ, которыя мы условились на-

зывать приличными. Эгоизъ, самолюбіе, тщеславіе дѣлаются побудительнѣйшими мотивами воспитанія. «Учись хо-рошенько, будешь умнѣе другихъ, будешь богатъ, въ чи-нахъ, выйдешь въ люди, станешь человѣкомъ»; но подъ этимъ словомъ человѣкъ разумѣется вовсе не христіанское понятіе. Этотъ выходъ въ люди перепортилъ у насъ уже не одно поколѣніе. По нашему понятію люди гдѣ-то вверху, выше наасъ, а не наравнѣ съ нами и тѣмъ болѣе не внизу наасъ. «Тебѣ не пра-лично»: вотъ фраза, которая чаще всего слышится въ нашемъ семейномъ воспитаніи. «Благовоспитанный мальчикъ не должъ ходить на кухню; благовоспитанная девушка не должна говорить правду всякому встрѣчному» и т. п.

Кстати о кухнѣ: вліяніе кухни, передней и девицей на вос-питаніе русского дворянства было очень сильно, и принесло не мало вреда. Крѣпостные крестьяне наши по большей части въ своемъ быту и въ своей нравственности мало отличаются отъ крестьянъ казенныхъ; но дворовые наши составляютъ совер-шенно особое сословіе, которое имѣло большое вліяніе на вос-питаніе русского дворянства. Если-бы для нашихъ дворянъ бы-ло дорого истинное, а не фальшивое воспитаніе дѣтей, то нѣть такихъ пожертвованій, на которыхъ они не должны-бы были рѣ-шиться, только-бы отдѣлаться отъ крѣпостнаго состоянія.

Требовать нравственности отъ дворовыхъ людей и осо-бенно отъ тѣхъ, которые стоять ближе къ господамъ, значило-бы требовать осуществленія психологической невозмож-ности. | Нравственность и свобода — два такія явленія, ко-торыя необходимо условливаютъ другъ друга и одно безъ другаго существовать не могутъ, потому-что нравственно только то дѣйствіе, которое происходитъ изъ моего сво-боднаго рѣшенія и все, что дѣлается не свободно, подъ вліяні-емъ-ли чуждой воли, подъ вліяніемъ-ли страха, подъ вліяніемъ-ли животной страсти, есть, если не безнравственное, то по-крайней-мѣрѣ не нравственное дѣйствіе. Поскольку вы даете правъ человѣку, постольку вы имѣете право требовать отъ

иего нравственности. Существо безправное можетъ быть добрымъ или злымъ, но нравственнымъ быть не можетъ.

Но если нравственность невозможна для существа, лишенаго правъ, то она невозможна и для того, въ чю пользу лишается человѣкъ своихъ человѣческихъ правъ. Славянской природѣ нашей и христіанству мы обязаны тѣмъ, что крѣпостное состояніе не превратилось у насъ въ рабство. Мы сказали славянской природѣ именно потому, что, къ величайшему сожалѣнію, видимъ христіанская нація, и теперь сохраняющія институтъ рабства. Но развѣ можно обвинять высокое ученіе Спасителя въ томъ, что оно не принято сердцами тѣхъ или другихъ людей вполнѣ, или извращенно лицемѣрными, хитросплетенными толкованіями? Христіанство не возстановляетъ раба противъ господина; это правда и великая правда; но дѣлаетъ гораздо болѣе: оно уничтожаетъ возможность имѣть рабовъ. Рабъ можетъ, оставаясь рабомъ, быть христіаниномъ; но истинный христіанинъ не можетъ быть владѣльцемъ рабовъ: если-же американскій плантаторъ увертывается отъ этой аксіомы; то это не потому, чтобы онъ не понималъ ее. Къ величайшему счастью рабство было чуждо славянскому духу, прежде даже, чѣмъ онъ просвѣтился евангеліемъ; а теперь скоро и слабая тѣнь его исчезнетъ. Правительство наше и дворянство (руssкіе дворяне конечно, могутъ это сказать: гдѣ-же, какъ не въ дворянскомъ классѣ, созрѣла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ?) — правительство и дворянство, уничтожая крѣпостное состояніе, кладутъ первый основной камень нравственнаго воспитанія русскаго общества и, говоря о дурномъ вліяніи крѣпостной прислузы на воспитаніе дѣтей, мы къ величайшему счастію, говоримъ уже о томъ, что готово исчезнуть.

Вліяніе это выражалось въ прямомъ воздействиіи крѣпостной прислузы на дѣтское развитіе; но еще болѣе проистекало изъ тѣхъ отношеній, которые существовали между маленькимъ помѣщикомъ и его кормилицей, нянею, лакеемъ, горничной. Не будемъ припоминать тѣхъ, возмушающихъ душу кар-

тишь, которыми наполнено дѣтство многихъ изъ наасъ; но скажемъ только, что это сознаніе своего права надъ личностью подобнаго мнѣ существа въ его безправности въ отношеніи меня, было однимъ изъ губительнейшихъ вліяній, отправлявшихъ воспитаніе русскаго дворянства въ самомъ корне. Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, рано выростала та привычка къ производу, которая дѣлала для наасъ стѣснительнымъ всякое ограниченіе закона; здѣсь, можетъ быть, коренился зародышъ неуваженія къ законамъ государства и къ правамъ другихъ лицъ, а равно и неуваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ. Кто нарушаетъ право другаго, тотъ невольно, въ глубинѣ души своей, отказывается отъ своего собственнаго. Вотъ откуда, можетъ быть, произтекала та безправность отношеній, та игра произвола, случая и прихоти, хитрости и силы, раболѣпства и угодливости, взятокъ, непотизма и всякаго рѣда окольныхъ путей, которыми такъ богата лѣтопись нашей служебной дѣятельности на всѣхъ возможныхъ поприщахъ. Мы почти не вѣрли въ возможность законной, прямой дороги и прежде всего, даже иногда безъ всякой нужды, искали вездѣ и во всемъ окольной скрытной тропинки. Намъ даже иногда казалось страннымъ, если какой-нибудь чудакъ приглашалъ наасъ вдти открыто, по прямой дорогѣ, и часто еще со школьной скамейки молодой человѣкъ, руководимый своими родителями и родственниками, а иногда даже начальниками, высмотривъ уже окольные дорожки жизни. И увы! съ грустью вспоминаемъ многіе, знакомые намъ, факты, когда молодые люди, которымъ съ каѳедры читали еще объ уваженіи къ закону и истинѣ, разносили уже въ тихомолку тепленъкое мѣстечко и влиятельныхъ людей; дѣлали визиты и старались установить связи, которые могли со временемъ пригодиться въ жизни. Даже въ отношеніи къ наставникамъ нерѣдко проглядывалъ тотъ-же характеръ, и если какой-нибудь горячій юноша ломилъ, что называется на прямикъ, то старики сомнительно качали голо вою и дѣйствительно угадывали нерѣдко, что ему далеко не уйти.

Неудачные-же опыты на первыхъ шагахъ показывали юношъ, что тѣ мелочныя натуры его товарищей, надъ которыми онъ издѣвался, смотрѣли на жизнь гораздо умнѣе, чѣмъ смотрѣлъ онъ. Мы такъ привыкли къ тому явлению, что старикъ-отецъ часто учитъ свое дитя отыскивать окольныя дорожки въ жизни, что и не можемъ себѣ представить всей глубины безобразія этого явленія. Конечно, мы не приписываемъ всѣхъ явленій подобнаго рода одному вліянію крѣпостной прислуги на воспитаніе; но тѣмъ не менѣе значительная доля ихъ принадлежитъ именно этому вліянію. Что-же удивительного, что окруженные съ самого ранняго дѣтства существами безправными въ отношеніи къ намъ, мы сами рано привыкали къ безправности? Крѣпостная кормилица, крѣпостная няня, крѣпостная горничная пріучали насъ съ дѣтства къ произволу въ отношеніи подобныхъ себѣ существъ, и какъ трудно было воспитателю развить въ ребенкѣ, живущемъ въ такой сферѣ, чувство нравственного достоинства человѣка. Могъ-ли даже говорить воспитатель о христіанскомъ понятіи брата и ближняго, не возмущая ребенка противъ окружающей его сферы? а отрицательное направление въ воспитаніи безсомнѣнія есть самое опасное и ложное. Но еще лживѣе и опаснѣе, если ребенокъ замѣчаетъ, что слова религіи и науки только слова, имѣющія значеніе въ урокѣ и никакого значенія въ жизни. Тутъ не только нравственный урокъ пропадаетъ даромъ, но приносить существенный вредъ, пріучая слухъ и душу ребенка къ такимъ словамъ, которые безъ этого, можетъ быть, когда-нибудь потрясли-бы его сознаніе. Все это онъ слышалъ уже не разъ, слышалъ и привыкъ не слышать, видѣлъ и привыкъ не видѣть, т.-е. пріобрѣталъ именно ту погибельную привычку, которая болѣе всѣхъ прочихъ мѣшаетъ идти человѣку по пути нравственного совершенства. Лучше не говорить вовсе ребенку той или другой высокой истины, которой не выносить окружающая его жизнь, чѣмъ пріучать его видѣть въ этой истинѣ фразу, годную только для урока. Намъ удавалось слышать не одного дамашняго наставника, который отзывался

съ ужасомъ, о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчала его воспитательная дѣятельность во вліяніи крѣпостной прислуги на воспитанника. Правда, во многихъ дворянскихъ семействахъ, особенно въ богатыхъ, старались по возможности прикрыть эти крѣпостные отношенія; но эта искусственная гуманность рѣдко могла обмануть чуткость дѣтской души; а раскрытая разъ, привносила новый вредъ именно своею поддѣльностью. Открывая нарочно скрытое отъ него зло, ребенокъ учится разомъ и злу и средству прикрывать его.

Да, повторимъ еще разъ, актъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи будетъ написанъ на страницахъ русской исторіи золотыми буквами и составить эпоху и въ исторіи народнаго воспитанія.

Обрисовавъ мрачныя стороны нашего семейнаго воспитанія, намъ тѣмъ пріятнѣе остановиться на его свѣтлыхъ сторонахъ.

Если въ этой семейной сферѣ мы нашли мало элементовъ нрава, то тѣмъ больше находимъ мы въ ней элементовъ родственной любви. Какая-то особенная теплота, задушевность, сердечность отношеній, недопускающая мысли объ эгоистической отдѣльности одного лица отъ другаго, составляетъ отрадную черту характера славянской семьи. Трудно выразить въ словахъ вообще болѣе удобныхъ для выраженія грусти или злости, чѣмъ отраднаго чувства, то особенное свѣтлое иѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родимаго семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевныя связи съ той семьей, изъ которой мы вышли. Намъ какъ-то трудно представить себѣ, что эти связи уже разорваны на всегда и это глубокое семейное чувство пробуждается въ насъ по временамъ, не смотря на толпу воспоминаній, проникнутыхъ горечью и желчью.

Мы не знакомы на столько съ семейными отношениями другихъ племенъ и народовъ, чтобы высказать о нихъ что-нибудь положительное; но намъ кажется, что ни у французовъ, где семейная связь рвутся такъ легко, ни у чадолюбивыхъ немцевъ, ни даже въ проникнутыхъ мыслю и дѣятельностю семейныхъ англійскихъ кружкахъ несть той безискусственности, той глубины и сердечности отношений, которыя существуютъ между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько нибудь порядочной, славянской семье. Есть что-то неуловимо-холодное, сдержанное, невысказывающееся въ этихъ условно приличныхъ отношенияхъ, разумно расчитанныхъ, пожалуй, весьма полезныхъ, но непріятныхъ для патріархального сердца славянина, которыя мы замѣчаемъ въ семействахъ иностранцевъ, живущихъ у насъ, и въ семейныхъ романахъ западныхъ писателей. Въ этихъ семействахъ каждый членъ пользуется большею самостоятельностью, чѣмъ у насъ; взаимные права и обязанности высказались яснѣ; но именно можетъ быть потому больше холода, больше разсчитанности въ словахъ и поступкахъ. У насъ права и обязанности въ семействѣ опредѣлены очень плохо и всякаго рода возникающіе вопросы решаются не столько по семейному кодексу, сколько по внушению непосредственнаго, глубоко коренищагося чувства. Въ сфере-то этого широко-развивающагося чувства, принимающаго иногда самыя дикия формы, но всегда очаровательнаго,—чувств, которое можетъ быть замедлило освобожденіе крѣпостнаго состоянія, но за то и помѣшало ему превратиться въ холодное, стальное рабство, и которое, безъ сомнѣнія, помѣшаетъ также установлѣнію безжалостныхъ фабричныхъ отношений между владѣльцемъ земли и землевладѣльцемъ,—въ сфере-то этого, чисто славянскаго семейнаго чувства выростало сердце русскаго человѣка, и этому-то чувству обязано оно, быть можетъ, своими лучшими качествами: теплотою, добродушіемъ, желаніемъ какой-то задушевности въ отношенияхъ, чѣмъ неуловимо-

прекраснымъ оттѣнкомъ, который примиряетъ насъ иногда съ самымъ закоренѣлымъ взяточникомъ, когда мы посмотримъ на него въ его семейномъ кругу.

Сознаемъ вполнѣ всю недостаточность нашихъ способностей, чтобы выразить ясно и притомъ въ нѣсколькихъ словахъ это глубокое, родное и всѣмъ намъ болѣе или менѣе знакомое чувство: для такого выраженія мало чувства и желанія, но нужно художество. Изъ писателей нашихъ, посвящавшихъ свой талантъ выраженію народной жизни, А. С. Пушкинъ и И. С. Тургеневъ болѣе другихъ успѣли перенести этотъ родной намъ всѣмъ элементъ въ свои художественные созданія.

Другую отрадную черту въ семейномъ быту нашего двоинства, общую конечно и всѣмъ прочимъ сословіямъ, составляетъ сильный, глубоко корениаційся въ сердцѣ патріотизмъ, въ которомъ, пожалуй, проглядываетъ нерѣдко и тѣль ложный оттѣнокъ, который наша литература назвала *кваснымъ*. Не забудемъ, однажды, что если отъ нашего патріотизма пахнетъ иногда русскимъ кваскомъ, то и англійский также не лишенъ запаха ростбифа, пудинга, джина, а нѣмецкій сильно отдаетъ пивомъ и табакомъ. У всякаго народа есть свои патріотическія предубѣжденія; но замѣчательно, что ни одна литература не вооружалась такъ противъ этихъ невинныхъ предубѣжденій, какъ наша, объявляющая претензію на безконечное уваженіе къ народу. Посмотрите, напримѣръ, съ какою любовью Диккенсъ, котораго, надѣемся, наши литераторы не могутъ-же обвинить въ недостаткѣ европейскаго образованія, рисуетъ самыя мелочныя привычки *доброй, старой Англіи*, привычки иногда чрезвычайно странныя и отчасти даже смѣшныя, и какъ старается онъ поддержать эта привычки, возбудить къ нимъ любовь и въ тѣхъ лицахъ, въ которыхъ онъ, подъ иностраннымъ влияніемъ, начинаютъ исчезать. Что если бы въ нашей литературѣ какой-нибудь писатель заговорилъ такимъ-же языкомъ, какъ Диккенсъ: какимъ-бы градомъ колкостей, насмѣшекъ, какою-бы бранью встрѣтили его многіе на-

ши quasi европейские критики! Это явление стоит того, чтобы о немъ подумать. Или уже действительно въ нашей русской жизни неѣтъ ничего, что-бы заслуживало пощады, и мы съ головы до ногъ должны перерядиться въ чуждый костюмъ? Но въ такомъ случаѣ интересно-бы знать, какой-же костюмъ намъ посовѣтуютъ выбрать: англійскій, французскій или нѣмецкій? потому-что нарядиться разомъ во всѣ немножко неудобно: въ платьѣ, сшитомъ изъ разнохарактерныхъ лоскутовъ, мы не будемъ походить ни на одинъ образованный народъ въ мірѣ: такое платье, увы, — шутовское платье!

Но много ли мало квасу въ нашемъ патріотизмѣ, а только этотъ патріотизмъ глубоко вкорененъ и въ нашихъ дворянскихъ семействахъ, хотя спить до поры до времени и пробуждается только послѣ какого-нибудь сильнаго толчка. Мы не будемъ припоминать здѣсь всѣхъ тѣхъ фактовъ народной жизни, когда патріотизмъ русскаго дворянства проявлялся во всей своей силѣ. Мы всѣ еще недавно пережили эпоху, когда общее народное бѣдствіе не съ одного русскаго человѣка сорвало французскую, англійскую или нѣмецкую маску и мы, не безъ удивленія, узнали русскихъ въ такихъ людяхъ, которыхъ давно считали за чистѣйшихъ иностранцевъ: это превращеніе доходило даже до крайности, и продлясь еще немного этого тяжелый, но великій periodъ, и мы увѣрены, что русская рѣчь зазвучала-бы въ самыхъ модныхъ салонахъ и наши православные храмы наполнились-бы людьми, которые давно туда не заглядывали. Неѣть, на зло намъ самимъ, въ насть гораздо болѣе патріотизма, чѣмъ мы сами думаемъ; но много также того, прароденнаго славянскаго недостатка, который увлекаетъ насъ чужеземщицкой далѣе предѣловъ благоразумія.

Мы считаемъ выражениемъ патріотизма и тѣ проявленія любви къ родинѣ, которыя выражаются не въ однихъ битвахъ съ внешними врагами: высказать смѣлое слово истины бываетъ иногда гораздо опаснѣе, чѣмъ подставить лобъ подъ вра-

жескую пулю, которая авось пролетить и мимо. И въ этомъ отношении исторія русскаго дворянства, русской литературы и вообще русскаго образованія, неразрывно связанныя между собою, имѣютъ много великихъ страницъ. Да и въ настоящее время въ какомъ классѣ преимущественно началось овладѣвшее всѣми нами глубокое и сильное сознаніе своихъ недостатковъ и желаніе, во что-бы то ни стало, выдти на лучшую дорогу?

Не будемъ-же слишкомъ строги и къ нашему, хотя-бы и квасному патріотизму: это богатая почва, на которой выросло и разцвѣло множество прекрасныхъ растеній. Какое сходство между великолѣпнымъ цветкомъ даліи и ея некрасивымъ, запачканнымъ корнемъ? Но только для ребенка трудно понять, какъ такой некрасивый корень дасть столько роскошныхъ цветовъ.

Одно бѣда, что это чувство патріотизма, пробуждающееся по временамъ съ истинно львиною силою, оказываетъ мало влиянія на спокойный ходъ нашей жизни, на исполненіе постоянныхъ, ежедневныхъ нашихъ обязанностей. Намъ рассказывали про одного помѣщика, который, снарядивъ двухъ сыновей своихъ въ Севастополь, потомъ и самъ пошелъ вслѣдъ за ними; а между тѣмъ этотъ человѣкъ составилъ себѣ состояніе на службѣ самыми подозрительными средствами: явленіе, къ соjalѣнію, весьма возможное!

Вотъ на уничтоженіе этой-то раздвоенности нашей природы должно преимущественно дѣйствовать воспитаніе, и если мы не оправдываемъ тѣхъ поддѣльныхъ патріотическихъ возгласовъ и даже преднамѣренныхъ патріотическихъ неправдъ, которыми наполнена наша старая литература и наши старые учебники, то, тѣмъ не менѣе, намъ смѣшно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь литераторъ или наставникъ усиливается доказать, напримѣръ, что французы въ двѣнадцатомъ году побили морозы, что въ исторіи нашей все достойно насмѣшки и презрѣнія, или съ

наслаждениемъ разычиваются Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя, показывая дѣтямъ, какія это были мѣдочныя, пошлые натуры, или доказывается съ увлекательнымъ жаромъ, что ни въ нашемъ прошедшемъ, ни въ нашемъ настоящемъ нѣтъ ничего такого, на чёмъ могла бы остановиться юная душа съ любовью и уваженiemъ. Если-бы англійскій, нѣмецкій или французскій педагогъ подметилъ въ комъ нибудь изъ насъ такое направленіе, то, онъ безъ сомнѣнія, взглянуль-бы на насъ съ глубочайшимъ удивленіемъ, какъ на безумцевъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о душѣ человѣческой, ни о нравственномъ достоинствѣ ея, ни о ея воспитаніи. Нѣтъ, это не значитъ воспитывать душу, а скорѣе разрушать ее; это не значитъ оплодотворять природу, а скорѣе дѣлать ее совершенно бесплодною; нѣтъ, это не образованіе, а дикость, вандализмъ, потому-что только варварамъ свойственно не имѣть исторіи и разрушать драгоцѣнѣйшия памятники, истреблять все и не созидать ничего. А это, по истинѣ вандальское, все разрушающее, ничего не сберегающее и ничего не созидающее направленіе нерѣдко принимается у насъ многими за признакъ высшаго европейскаго образованія; тогда-какъ въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного самого мелкаго народца, который-бы не гордился своею национальностью: даже нашъ бѣдный, прижатый къ землѣ западный братъ славянинъ, и тотъ гордо подымаетъ голову, когда затронутъ его народность и его народную религію. Хоть-бы: изъ подражанія англичанамъ, французамъ или нѣмцамъ захотѣли и многіе изъ насъ въ свою очередь имѣть, уважать и любить свою народность!

Перечисляя прекрасныя, отрадныя черты въ семейномъ воспитаніи нашего дворянскаго класса, мы, конечно, не можемъ пропустить той простой, теплой религіозности, которую и теперь еще можно встрѣтить въ большей части нашихъ дворянскихъ семействъ, за исключеніемъ немногихъ, ударившихся или въ модное невѣrie, или въ гиусное ханжество. Эта рели-

гюзность рѣдко, правда, бываетъ вполнѣ сознательна, часто слишкомъ придерживается формы, но тѣмъ не менѣе глубоко западаетъ въ дѣтское сердце и иногда, пролежавъ въ немъ долго, подъ разными туманными, еще менѣе сознанными теоріями и блестящими фразами, пробуждается потомъ вновь съ необыкновенною силою. Понятно, что религія дѣйствуетъ на ребенка, равно какъ и на младенчествующій народъ, болѣе своими формами, чѣмъ своимъ высокимъ внутреннимъ содержаниемъ. Но *если эти формы созданы во времена высочайшаго христіанскаго одушевленія*, то понятно также, что онѣ не могутъ оставаться безъ нравственнаго влиянія на душу человѣка. Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсень и священномѣстій, службы великаго поста и страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которые составляютъ эпохи въ годовой жизни каждого чисто русскаго семейства.

Чтобы понять значеніе этихъ воспоминаній, попробуйте насильно вычеркнуть ихъ изъ исторіи вашего дѣтства, и вы увидите, какъ потускнѣеть эта свѣтлая, отрадная исторія. Наши писатели, посвящавшіе перо свое описанію быта русского семейства, именно потому не достигали никогда вполнѣ своей цѣли, что по большей части пропускали этотъ религіозный элементъ. Но даже описывая жизнь англійского семейства, лучшіе романсты Англіи, оставаясь вѣрными жизни, нерѣдко заходятъ въ церковь, на паперь, на погостъ; тогда какъ въ торжествахъ англійской церкви далеко вѣтъ той глаубины и полноты, какая есть въ торжествахъ нашей. Вспоминая встрѣчу новаго года, Диккенсъ расуетъ привлекательную семейную картину; но развѣ въ этой встрѣчѣ гражданскаго условнаго праздника есть что-нибудь подобное тѣмъ воспоминаніямъ, которыя остаются въ душѣ каждого русскаго человѣка, умѣющаго помнить и любить свое дѣтство, отъ встрѣчи Свѣтлаго Христова

Воскресенія? Недавно намъ случилось, впрочемъ, читать въ какой-то очень пошлой повѣстцѣ насмѣшилъ описаніе встрѣчи этого праздника. Писатель хотѣлъ быть острымъ, хотѣлъ смѣшить, но показалъ только, что умъ его лишенъ совершенно юмора, а сердце—чувствъ, и что грязный цинизмъ кажется ему остроуміемъ. Странное дѣло! Такія повѣстцы появляются у насъ нерѣдко рядомъ съ теплыми разсказами Диккенса, и тутъ-то выходитъ наружу тотъ безобразный хаосъ, который часто царствуетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ.

Знаемъ, что не одни подобные остряки, но и многіе изъ насъ заходятъ съ циническимъ сарказмомъ даже въ эту отдаленную область дѣтства, — знаемъ и жалѣемъ о такихъ людяхъ: жалѣемъ потому, что все удовольствія удовлетвореннаго мелочнаго самолюбія не могутъ замѣнить для нихъ тѣхъ наслажденій, которыя испытываетъ всякий человѣкъ, воспитанный въ религіозной семье и имѣющій способность возвращаться съ любовью къ воспоминанію дѣтства. Но если такія лица, разорвавшія всякую связь и съ своимъ дѣтствомъ и съ жизнью народа, вносятъ свои искусственные, узкія убѣжденія и въ жизнь основанныхъ ими новыхъ семействъ, то мы еще болѣе жалѣемъ объ ихъ дѣтахъ: печально и холодно будетъ ихъ дѣтство и когда, быть можетъ, охваченные холодомъ жизни, захотятъ они отогрѣться у воспоминаній родимаго очага, то не найдутъ тамъ ни тепла, ни свѣта.

Крестьянинъ не живетъ воспоминаніями, потому-что, въ его жизни нѣть крутыхъ переломовъ; но посмотрите, какъ иной бѣдный петербургскій чиновникъ, занесенный въ столицу изъ деревенской глуши, сидя въ своей бѣдной квартирѣ наканунѣ какого-нибудь большаго праздника и прислушиваясь къ однобразному, безучастному гулу европейскаго города, переносится мысленно въ свою тихую отдаленную родину и вспоминается, какъ измѣнилось и оживилось тамъ все близостью великаго дня. Болью и счастіемъ сжимается его сердце отъ этихъ воспоминаній и часто онъ спѣшить въ храмъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ,

на чуждыхъ сму лицахъ и въ церковномъ пѣніи увидать оттѣновъ и услыхать отголосокъ далекаго, невозвратно-минувшаго дѣства.

Мы сохраняемъ отрадную увѣренность, что многие изъ насть и теперь не могутъ безъ глубочайшаго душевнаго удовольствія вспомнить о тѣхъ мирныхъ, сіяющихъ торжествахъ, о тѣхъ то грустныхъ, то торжественныхъ мотивахъ, которые православная церковь вносила въ нашу родимую семью, и мы желали-бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святаго, отраднаго, воспитательнаго вліянія православной церкви. Повѣрьте, что никакими эгоистическими расчетами не исчерпать потребностей души человѣческой, что много еще есть въ ней непостигнутыхъ вліяній и не вполнѣ раскрытыхъ чувствъ, которыхъ долго ни одному психологу не удастся замкнуть въ тѣсную рамку системы, и что именно изъ этихъ-то непостижимо-глубокихъ тайниковъ души человѣческой рождаются и лучшія ея побужденія, и величайшіе помыслы, и благороднѣйшія дѣянія, и тѣ произведенія искусства и поэзіи, которымъ дивится свѣтъ, не понимая, откуда они могли родиться. Какъ часто мы встрѣчали безумныя усиляя завалить эти живительные родники, встрѣчали рядомъ съ удивленіемъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыхъ изъ нихъ прошли. Посмотрите, откуда почерпнуты самыя теплыя, самыя лучшія страницы нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей; откуда вылились самыя задушевныя и трогательныя страницы въ произведеніяхъ Пушкина, Тургенева, Аксакова, Гоголя? Неужели изъ ихъ общеевропейской, безличной образованности?

Замѣтимъ при этомъ, между прочимъ, что раннее помѣщеніе дѣтей въ казенные учебныя заведенія, гдѣ все совершается такъ формально, такъ безучастно, такъ официально, напосыпь величайшій вредъ именно тѣмъ, что почти лишаетъ силы всѣхъ воспитательнаго вліянія, о которыхъ мы сейчасъ говорили. И если кому-нибудь изъ нашихъ читателей покажется непонятнымъ или даже выдуманнымъ тотъ воспитательный элементъ,

который мы находимъ въ нашей дѣтской, религіозной семейной жизни, то вѣроятно этотъ читатель и неъ несчастіе провести свои дѣтскіе годы въ какихъ-нибудь дѣтскихъ казармахъ или быть воспитаннымъ въ искусственно-придуманной сферѣ, которая на столько-же въ состояніи замѣнить выросшую въ исторіи нашей русской религіозной семью, на сколько натопленная комната способна замѣнить для растенія его родимый климатъ и его родимую почву.

Обряды нашей православной церкви имѣютъ великое воспитательное влияніе уже и потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настроиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ. Но какъ часто случается, что практическая жизнь и ея наставлениа ставятъ въ душѣ русского человѣка какую-то непреодолимую стѣну между исполненіемъ этихъ обрядовъ и основными, глубочайшими принципами его практической дѣятельности! Вотъ именно постройкѣ этой-то гибельной стѣны, возможности этой раздвоенности въ душѣ должны противодѣйствовать, какъ нравственныя наставлениа духовныхъ пастырей, такъ и нравственно-религіозное воспитаніе дѣтей, въ основаніи котораго положена религія, наука и жизнь — проникнія другъ друга и составляющія одно цѣлое. Но не видимъ-ли мы очень часто, къ сожалѣнію, что даже у людей, на воспитаніе которыхъ потрачено много заботъ, религіозные привычки и жизненные убѣжденія діаметрально противоположны другъ другу? Не попадаются-ли у насъ, даже между образованными людьми, такие, которые слова лжи, лести и злобы, выходящія изъ устъ, считаются ничтожнымъ грѣхомъ въ сравненіи съ кускомъ скромной пищи, входящей въ уста? Мало этого: въ насъ часто еще можно видѣть какое-то тайное убѣжденіе, чудовищно противорѣчащее христіанству, что исполненіе тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядовъ какъ-бы уполномочиваетъ человѣка на тѣ или другіе возмутительные поступки, и что строгое соблюденіе постовъ, напримѣръ, даетъ

право быть жестокимъ, гордымъ, или разрѣшаетъ человѣка на обманъ, казнокрадство и взятки. Но возможно-ли было-бы такое, по истинѣ языческое убѣжденіе, если-бы человѣкъ прочелъ, вполнѣ сознательно, хотя однѣ стравицу евангелія и принялъ сердцемъ и умомъ ея содержаніе? А нашъ народъ, переставая єсть скромное въ чистый понедѣльникъ, развѣ не продолжаетъ дни два или три опохмѣляться водкою? А наши буйныя масляницы, въ которыхъ человѣкъ какъ-бы старается запастись неумѣренностями всякаго рода на весь великий постъ? Не приводятъ всѣ эти дикия явленія къ той мысли, что истинное, христіанское воспитаніе церковью и школою должно, столько-же, по-крайней-мѣрѣ, бороться противъ невѣрія, сколько и противъ суевѣрія и идолопоклонства?

Мы говоримъ здѣсь только о безсознательной, добросовѣтной раздвоенности нашихъ убѣжденій, а не о томъ преднамѣренномъ религіозномъ лицемѣріи, въ которомъ нѣть никакихъ убѣжденій. Это уже не ошибка, не заблужденіе; а самое низкое, преднамѣренное торгашество святыней. Религіозный лицемѣръ въ сущности хуже всякаго атеиста: одинъ только отвергаетъ святыню, а другой торгуетъ ею для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, и невѣрія глубже невѣрія лицемѣра быть не можетъ. Атеистъ непремѣнно вѣритъ во что-нибудь: религіозный лицемѣръ ни во что не вѣритъ и дѣйствуетъ на общество гибельнѣе всякаго атеиста. Сколько юныхъ, благородныхъ сердецъ, встрѣчаясь съ отвратительнымъ лицемѣремъ, именно потому уклонилось отъ религіи!

Но если отвратителенъ образъ человѣка, который, разсказывая всѣмъ о своихъ строгихъ постахъ и длинныхъ молитвахъ, втихомолку беретъ взятки и давить своего ближняго: то развѣ не точно-ли также отвратителенъ образъ человѣка, торгующаго европейскими идеями гуманности и образованія? Чѣмъ-же лучше самого отвратительного религіознаго лицемѣра какой-нибудь литературный откупщикъ, который толкуетъ о пауперизмѣ въ своихъ раззолоченныхъ палатахъ и изучаетъ

дѣйствіе пауперизма на своихъ сотрудникахъ? твердить другимъ о необходимости самопожертвованія для общаго блага и, пользуясь бѣдностю талантливаго писателя, вгоняетъ его въ чахотку своими безсовѣстными нечеловѣческими требованіями? какъ истинный рабъ общественнаго мнѣнія, не только глядѣть ему въ глаза и ловить каждую его слабость, чтобы обратить ее въ собственную пользу, но и старается поддерживать, плодить и растревывать эти раны, потому что живетъ ими, какъ чужеядный грибъ живетъ болѣзнью растенія, и печатаетъ не то, что можетъ быть полезно для общества, но только то, что можетъ быть раскуплено? всякая торговля убѣжденіями гнусна, какого-бы рода эти убѣжденія ни были, и чѣмъ выше убѣжденія, тѣмъ торговля ими отвратительнѣе; но развѣ отъ этого помрачается чистота и святость самой истины? Истина всегда остается святою и чистою, какими-бы нечистыми руками къ ней ни прикасались: таково чудное свойство истины.

Но мы говоримъ здѣсь не о лицемѣріи, а о томъ безсознательномъ раздвоеніи между исполненіемъ христіанскихъ обрядовъ съ одной стороны и вовсе нехристіанскими принципами жизни съ другой, которое встрѣчается у насъ на каждомъ шагу. Вотъ этому-то раздвоенію должно противудѣйствовать истинно христіанское воспитаніе.

Если нельзя обвинять истину въ томъ, что тотъ или другой лицемѣръ употребляетъ ее для своекорыстныхъ цѣлей, то точно также нельзя обвинять религіозныхъ формъ и обрядовъ, если кто-нибудь, увлекаясь ими, забываетъ содержаніе. Развѣ мы не видѣли возможности ханжества или лицемѣрія въ самой безформенной изъ религіозныхъ сектъ—въ пуританствѣ? Истинное, умственное и нравственное образованіе, проникнутое духомъ христіанства, враждебнаго всякому лицемѣрію, въ какой-бы тонкой формѣ оно ни проявлялось, одно можетъ предупредить такое, то безсознательное, то злостное, раздвоеніе формы и содержанія.

Но, спросить настъ, быть можетъ, къ чему мы ведемъ нашу рѣчь, къ чему мы выставляли дурныя и хорошия стороны нравственного воспитанія двухъ классовъ общества? Сознаемъ вполнѣ, что выполнили нашу задачу очень плохо; но о важномъ значеніи самой задачи мы готовы поспорить съ кѣмъ угодно. Мы должны познакомиться съ настоящимъ состояніемъ воспитанія въ русскомъ народѣ прежде, чѣмъ захотимъ внести туда наши теоріи и улучшениа. Русская семья со всѣми своими элементами, добрыми и дурными, со всею своею внутреннею жизнью, дающею и цѣлебные и ядовитые плоды, есть созданіе исторіи, котораго нельзя замѣнить никакою искусственною постройкою. Напрасно мы хотимъ выдумать воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько-же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ — съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приваровившись къ ней-же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаосъ, какія враждующія противорѣчія, какія величицы, кажущіяся намъ разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились-бы въ воспитаніи русскаго народа, если-бы оно было послушнымъ воскомъ въ нашихъ рукахъ. Всякая цѣльность въ народѣ исчезла-бы навсегда, и та его долговѣчность, въ которой жизнь отдѣльного человѣка является минутою, а жизнь цѣлаго поколѣнія однимъ днемъ, имѣющимъ свои мимолетныя слабости, прихоти и увлечениа, была-бы навсегда разрушена. Мы безумно подкопали-бы корень вѣковаго растенія и разсыпались бы потомъ сами, какъ разсыпаются листья съ изсохшаго дерева. Нѣтъ, позаботимся о томъ, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнемъ коснуться его вѣковыхъ корней! Дерево сильно — оно выдержитъ много новыхъ прививокъ, сколько-нибудь ему свойственныхъ; но, благодаря Бога, корни этого

дерева уходятъ глубоко въ землю, такъ что мы до-сихъ-поръ не успѣли ихъ докопаться. Нѣтъ, русское воспитаніе не поддается и не поддастся нашимъ усилиямъ, до-тѣхъ-поръ, пока мы сами въ себѣ не примиримъ европейскаго образованія съ живущими въ насъ элементами народности.

Не остановки въ развитіи народа, невозможной или гибельной, какъ мы это старались выразить въ первой статьѣ, но разумнаго безостановочнаго развитія, на столько быстрого, на сколько можетъ оно быть быстро безъ ущерба своей разумности,— развитія, построенаго на выработанныхъ уже въ исторіи основахъ, желаемъ мы всею силою души нашей: рациональной, постепенной, безостановочной разработки и улучшенія той почвы, которая уже представляется воспитанію самимъ народомъ (*).

Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чужды съ одной стороны юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой—меркантильной жесткости и разсчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однімъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно

(*) Въ моей статьѣ «О народности въ воспитаніи», напечатанной въ «Журнале для воспитанія», за 1857 годъ, я старался выставить фактъ народности воспитанія у всѣхъ великихъ западныхъ народовъ; здесь же я хотѣлъ схватить иѣкоторыя, наиболѣе рѣакія черты народности русскаго семейнаго воспитанія, которое всѣми своими сторонами — хорошими и дурными и болѣе дурными, чѣмъ хорошими, — отразилось и въ нашемъ школьнѣмъ воспитаніи; отразилось на столько, на сколько могло отразиться въ этихъ неудачныхъ синникахъ съ чуждыхъ намъ образцовъ.

съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто безсознательная, наконецъ, древняя православная религія съ ея всемирно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выражениемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ: не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увидая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортить.

Знаемъ, что для многихъ всякая особенность въ характерѣ русскаго воспитанія есть дѣло совершенно бесполезное, хотя они признаютъ значеніе такихъ особенностей въ воспитаніи другихъ народовъ. Знаемъ также что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ; но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностію каждого въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать свои глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякий воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякий, кто не хочетъ показать, что онъ не любить и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то по-крайней-мѣрѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемся за дѣло его воспитанія. Но какъ часто намъ попадаются такія литературныя явленія, въ которыхъ, авторы думают, конечно, дѣйствовать въ интересѣ народнаго воспитанія, начинаютъ съ того, что топчутъ прежде всего съ презрѣніемъ все народное и не замѣчаютъ, какъ не рационально такое на-

чадо воспитания. Какъ часто попадаются намъ такія литературные явленія, въ которыхъ, авторы думая безъ сомнѣнія, дѣйствовать въ интересѣ народа, на самомъ дѣлѣ угождаютъ только минутной прихоти разнохарактерной и разноязычной толпы, которая обыкновенно въ великія народныя эпохи или исчезаетъ безъ слѣда, или оказывается настоящею чернью. Мы не говоримъ уже о тѣхъ литературныхъ дѣятеляхъ, которые именно и разсчитываютъ на эту минутную прихоть, какого-бы рода она ни была, и не имѣя никакихъ убѣжденій, занимаются только торговлей. Время, т.-е. постепенно развивающаяся жизнь народа, произносить свой медленный, но неотразимый судъ и надъ литературой. Такъ гигантъ, выростая, разрывается питающія его снаружи пеленки, уносясь собою только то, что коснулось души его. «Все минется — одна правда останется», говоритъ нашъ народъ, выражая свою вѣру въ исторію и вѣчную правду божественнаго Провидѣнія, правду, которую часто, какъ и самое небо, скрываютъ отъ насъ туманы, подымавшіеся съ нашей-же земли.

Уже и на западѣ начинаютъ разсѣваться узкія, фанатическая предубѣжденія противъ православнаго христіанства; уже въ тамъ беспристрастные ученые, посвятившіе свою добросовѣстную дѣятельность изученію исторіи величайшаго элемента жизни человѣчества — изученію христіанства, начинаютъ замѣнять прежнія, изобрѣтенные фанатизмомъ названія нашей восточной церкви, названіемъ *исторической*; начинаютъ, хотя еще смутно, сознавать, что величественный, историческій храмъ христіанства сохраненъ именно православiemъ. Путь, которымъ доходитъ до такихъ результатовъ добросовѣстная наука, весьма понятенъ: это тотъ-же самый путь, слѣдуя которому Шлѣцеръ открылъ намъ русскимъ величие и добросовѣстность нашей скромной монастырской лѣтописи, и доказалъ намъ, что мы напрасно роемся въ полуученныхъ, хитро сплетенныхъ чужеземныхъ лѣтописяхъ, обладая такимъ сокровищемъ, какимъ не обладаетъ ни одинъ народъ — обладая Несторомъ. Неуже-

ли-же для многихъ изъ насть вужеъ непремѣнно новый Шлешеръ, который-бы указалъ намъ, какимъ неоцѣнимымъ сокровищемъ обладаемъ мы и въ нашей православной христіанской лѣтописи съ ея безхитростною истиной и ея величественными, историческими формами, столь свойственными великой народности, волнуемой неисчерпаемо - глубокимъ религіознымъ чувствомъ, ищащимъ свободы, которую можетъ дать только глубокая, истинно - художественная форма, проникнутая содержаниемъ.

Близко можетъ-быть то время, когда всякий образованный иностранецъ, если не съ вѣрою, то съ глубочайшимъ уважениемъ будетъ входить въ древній величественный храмъ христианства, сохраненный востокомъ; гдѣ и для иновѣрца, умѣюЩаго цѣнить глубину идеи и красоту формъ, каждое украшение, каждая пѣснь, проникнуты тою величавою простотою и въ то-же время тою недосягаемою глубиною, поддѣлка подъ которую еще болѣе невозможна, чѣмъ поддѣлка подъ классическую древность. Есть что-то чудное, недоступное прихоти времени даже въ томъ необыкновенно богатомъ, звучномъ и выразительномъ языке, которымъ оглашаются наши русскіе храмы и происхожденіе котораго укрывается отъ самыхъ пытливыхъ взоровъ, вооруженныхъ всѣми средствами европейской науки.

Все это мы говоримъ здѣсь съ тою цѣллю, чтобы показать, что истинная, добросовѣстная наука, каковы-бы даже ни были личные вѣрованія самого ученаго, не только найдетъ возможность построить народное образованіе на прочной основе нашей народной религіи, но, какъ величайшимъ сокровищемъ, какъ неисчерпаемымъ и уже существующимъ источникомъ нравственнаго и умственнаго развитія, будетъ дорожить этой исторической основою, столько-же христіанскою, человѣчественною, и художественною, сколько и народною.

Мы высказали здѣсь далеко не все, что намѣрены были высказать; но въ заключеніе скажемъ только одно: что рус-

ское воспитаніе нуждается не во виѣшнихъ реформахъ, не въ замѣнѣ прежняго, вышедшаго уже изъ моды и истасканнаго нами костюма новымъ, столь-же иностраннымъ и столь-же намъ чуждымъ; что хотя, конечно, очень многое можемъ и должны занять изъ опытовъ иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чуждая пища, когда онъ, вскормленный молокомъ матери, уже пріобрѣлъ достаточно силъ, чтобы переваривать и уподоблять эту чуждую пищу и силою своей собственной, самостоятельной жизни превращать ее въ кровь и тѣло. Такою родимою грудью является для наскъ наша народность и наша народная религія, соединяющія каждого изъ наскъ съ каждымъ русскимъ, хотя бы онъ скрывался далеко отъ глазъ нашихъ въ самой темной массѣ народа, или въ самомъ отдаленномъ уголку нашей, неизмѣримой отчизны, — соединяющія наскъ давно отжившими и грядущими поколѣніями, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что одно даетъ намъ прочное, историческое, а не эфемерное существованіе.

Но если никакія виѣшнія реформы не решаютъ вопроса о народномъ воспитаніи, а решеніе его требуется настоятельно и безотлагательно, то какъ-же приступить къ нему? — Прежде всего и болѣе всего наше народное воспитаніе нуждается въ людяхъ, способныхъ къ этому великому дѣлу, нуждается въ народныхъ учителяхъ, — народныхъ не потому только, что они учатъ народъ и въ народныхъ школахъ, а потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собою его лучшія, характеристическія свойства и его чистѣйшія привязанности и просвѣтили эти свойства и привязанности истинно-христіанскимъ, европейскимъ образованіемъ. Народные учителя нужны намъ прежде всего и болѣе всего. Но для отысканія средствъ, какъ приготовить такихъ учителей, мы можемъ безъ стыда обратиться за опытами и указаніями къ нашимъ старшимъ братьямъ въ дѣлѣ образованія. Задимствуя устройство учительскихъ семинарій у Германіи и Англіи, мы конечно дол-

жны подражать имъ и въ томъ, чтобы эти семинарии приготавляли дѣйствительно народныхъ наставниковъ, т.-е. такихъ которые-бы не вносили разлада въ народную жизнь и невѣрія въ народное сердце (*).

(*) Вопросъ объ устройствѣ учительскихъ семинарій будетъ одиникъ изъ главныхъ вопросовъ Ж. М. Н. Пр. въ будущемъ году.

К. УШИНСКІЙ.